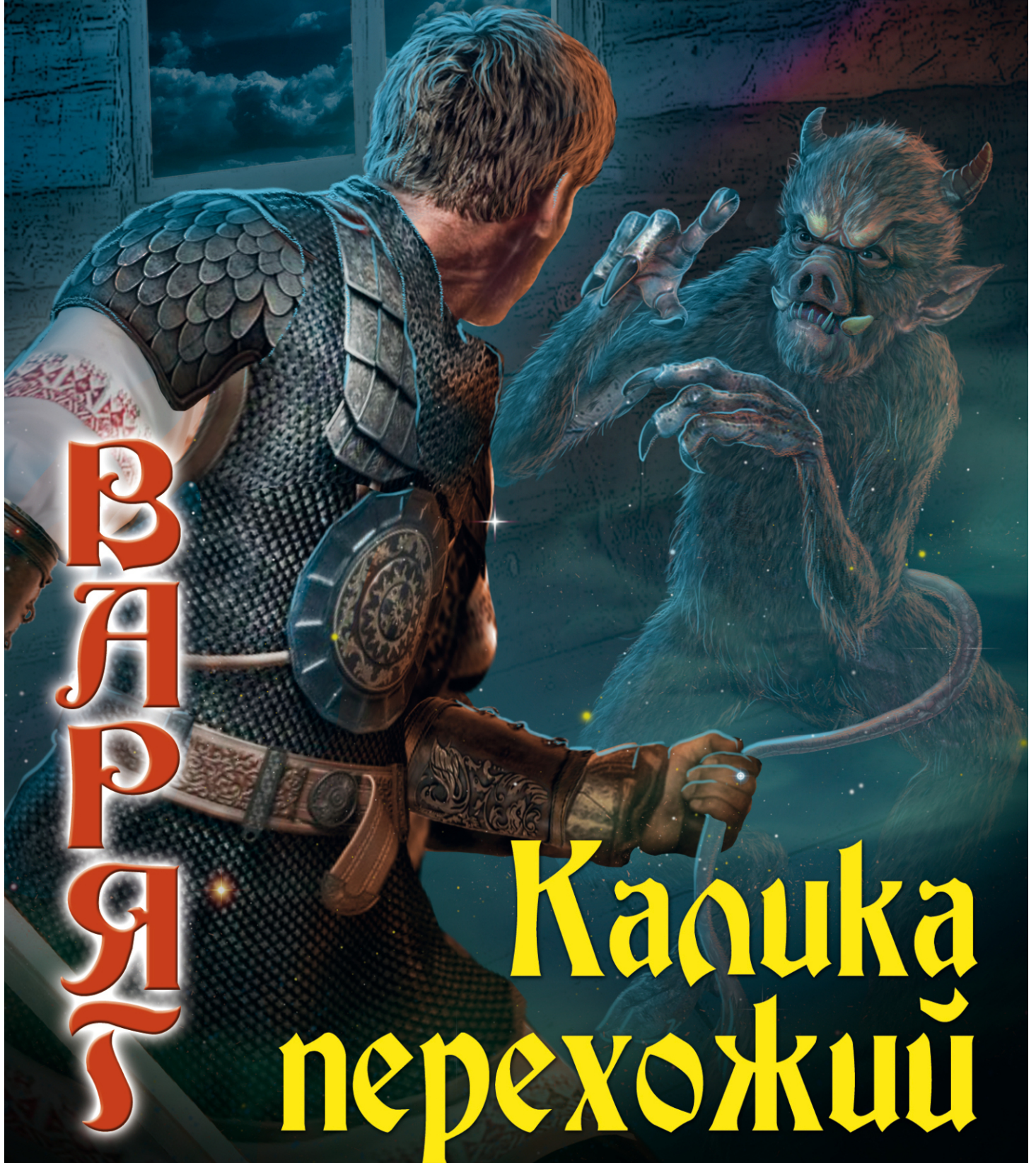

Александр Забусов

ВАРЯГ

Каоука
перехожий

Варяг

Александр Забусов
Калика перехожий

«Издательство АСТ»

2020

Забусов А. В.

Калика перехожий / А. В. Забусов — «Издательство АСТ»,
2020 — (Варяг)

Жизнь продолжается в Гордеевом погосте. Монзырев отправляет бывшего лейтенанта Андрея Ищенко путешествовать по Руси, чтобы узнать, что в мире творится. Андрей сражается с ватагами татей, участвует в междоусобных войнах князей, попадает в рабство, совершает побег и уходит от преследования в Диком поле. Обратная дорога к порогу Гордеева погоста растягивается на долгий год, и на этой дороге имеют место быть встречи с представителями нежити, нечисти, колдунами и простыми людьми разных сословий и национальностей.

© Забусов А. В., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

1	5
2	17
3	27
4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Александр Забусов

Книга 2

Калика перехожий

1

*Двадцать раз попробуйте,
на семьдесят первый раз получится.*
Армейский фольклор

Гордеево городище еще не оправилось после посещения соседей из Дикого поля, когда в один из теплых, погожих деньков Монзырев позвал к себе Ищенко и прямо с порога огорошил своего сотника словами:

– Застоялся ты у меня здесь, лейтенант, а как известно, волка ноги кормят. Пора бы уже и делом заняться, а то не заметишь, когда и зима в окно постучит. Собирайся в дорогу дальнюю.

– Это куда ж? – опешил Андрей, и без того хлопот полон рот было, а тут такое.

– Поедешь на закупки. Вон Боривоя с собой возьмешь, Сашкин печенежский хабар, у степняков взятый, два десятка бойцов из своей сотни. Ну, это сам подберешь, кого сочтешь нужным.

– Это понятно. Закупать-то что?

– А то не понятно? Продукты, одежду, обувь, да много чего. Галка с Боривоем полный инструктаж провела, полный расклад дала и все разъяснила. Нас сейчас разве что погорельцами называть можно, куда ни посмотри, везде дыры латать нужно.

– Я-то зачем поеду, если Борька сам все знает?

– А ты его только до ближайшего непострадавшего от набега погоста доведешь, там оставишь. Назад сам доберется. Ну а тебе дальше по Руси проскочить следует, а то живем в медвежьем углу, не зная, что в мире творится. Короче, со своими орлами следуешь в разведывательную миссию. Ясно?

– Чего уж не ясного. В какую сторону переться прикажешь?

– А вот тут тебе и карты в руки. Как говорится, полный карт-бланш, единственное, что не зарывайся. Скажем так, к зиме жду восояси с подробной картой и сведениями по стране. Надоело быть слепцом на своей земле.

Ранним утром, ведя лошадей в поводу, таща на хвосте пустые телеги с компанией Боривоя, через северные ворота разведчики проследовали в направлении черниговского тракта. Прощай, Гордеево городище, счастливо оставаться, родичи! Авось все сложится удачно!

Пустая дорога не стала тяжким бременем кривичам, родные места давно остались где-то позади. Большое поселение, имеющее все претензии на звание городка, выросло перед глазами как-то неожиданно среди царства светлого южного леса. Одним боком погост прилепился к запруде на реке. Судислав, десятник Ищенко, сидевший в седле, и сам Андрей, шедший сбоку от жеребца, левой рукой державшийся за стремя, рассмотрели хатки предместного городища, а за ним высокую стену из рубленых тяжелых бревен, венчавшуюся заостренным частоколом. Пока торговая процессия кривичей проезжала посад, Андрюха с интересом рассматривал жилища древних славян, пришел к выводу, что перед частоколом обосновалась голь перекатная, едва сводившая концы с концами. Как-то не очень заметно родовых связей и традиций в этом погосте. Может быть, набеги печенегов в свое время довели проживающих в нем людей до края бедности? Или уже свои постарались? Да-а, картина невеселая.

У открытых нараспашку ворот скучали два стража, разомлевших на солнышке, нагретшем железные шеломы на их головах. Вместо воинского доспеха оба блюстителя порядка были одеты в подобие жилетов поверх подкладов, сшитых из грубо выделанной кожи, с нашитыми на груди железными пластинами. Широкие шаровары заправлены в черевы. Мужики дородные, оба в возрасте, обросшие густыми бородами и усищами, с проседью на лицах. Сотник кривичей ухмыльнулся. Если бы этим двоим сменить прикид, запросто можно выставлять под двери богатых гостиниц и ресторанов, у них и взгляды такие же на снующих мимо людей, обремененных повседневными заботами, смотрят лениво. На идущего пехом Андрея глянули вскользь, зато Судислава окликнули.

– Эй, купец! За проезд подорожную деньгу плати, чай не в лапотную весь въезжаешь.

Десятник косо зыркнул в сторону своего воинского начальника, с ухмылкой созерцавшего картину въезда в поселение, без разговоров щелкнул пальцами руки, и мелкие монеты, сорвавшись со щепоти в воздух, крутясь по наклонной траектории, полетели в сторону одного из бородачей. На удивление тот словно лопатой, широкой ладонью смог на лету ловко поймать оплату проезда, сунул деньги в поясной кошель, кивнул приезжим и тут же потерял ко всей кавалькаде и перевозчикам всякий интерес.

Внутри погост несколько отличался от халуп под наружными стенами. Большая рыночная площадь, правда, пустовавшая по причине неурочного часа. По вечерней поре торговые ряды обезлюдели, а торговые точки закрылись. От площади разбежались вкривь и вкось улицы, дома на которых выглядели явно побогаче ранее виденных, рублены из светлой древесины, с островерхими крышами. От улиц и друг от друга их отделяли плетни. Вон видна церковь, с широкой папертью перед входом в нее. Чудеса, да и только! Каким это ляхом на Руси прижилась греческая церквушка, да еще, видать, пустившая корни, имеющая свою паству. Н-да! Народ постарался, умельцы сработали ее из ядреного чистого дерева, украсили резными вставками. Смотрится как игрушка, словно ее стены кто-то намастичил воском и натер до блеска. На солнце сверкает янтарем. От увиденного к вставшим столбами воям протиснулся Боривой.

– Сотник, – обратился к Андрею. – Я своих у базара пристрою, там и заночуем. Тебя, если что, где искать?

– Надеюсь, что в сей богадельне постоялый двор сыщется. Пошлешь кого, найдут. Да я тебя завтра сам на рынке увижу.

– Тогда бывай!

По довольно узкой дороге проследовали в один из концов. Перед распахнутыми воротами Ищенко пригляделся к внутреннему устройству двора, решив что-то для себя, соскочил на землю, взяв коня под уздцы, потянул за собой. Распорядился за спину:

– Входим, – мотнул головой в сторону двора. – Здесь остановимся. Судя по всему, тут вся улица – сплошные постоялые дворы для приезжих.

– Видно, это мы не в базарные дни приехали, а так народу не протолкнуться, – изрек Судислав.

– А ничего так, – усмехнулся Первак, молодой воин одного из взятых в путешествие десятков. – Я уж за дорогу отвык от теремов.

От сарая послышался скрипучий голос смерда, коловшего дрова для бани:

– Хм, теремов? Да нет, терема здесь на другом конце погоста отстроены. Там вся верхушка местной старшины проживает. Там же и боярские хоромы, а сие так, для приезжих.

За крепкими тесовыми воротами, открытыми по причине раннего времени настезь, по центру высилась двухэтажная изба, поражая широкими размерами. Справа от избы помещался хлев с хрюкающей и мычащей живностью. Судя по тому, что смрадом оттуда не несло, за животными был пригляд. Перед хлевом находилась коновязь с яслями и выдолбленным бревном для водопоя, это для тех, кто заехал перекусить. Рядом ясли для лошадей постояльцев, там же находился погреб, закрытый дубовой дверью.

Спешившись, бойцы отводили лошадей к коновязи, привязывая уздой к перекладине, тут же потянулись губами к воде.

– Ждите пока здесь, – Андрей кивнул бойцам, сам с Судиславом направился к дому.

Навстречу выбежал юнец, поправляющий на ходу запачканную чем-то съестным рубаху.

– Ночевать у нас желаете?

Глянув на неряшливый вид встречающего, Андрей скривил губы, но десятник на такую мелочь не обратил внимания. Сотник отозвался на вопрос:

– Гляну, пожалуй, сначала.

– Милости просим.

Юнец открыл дверь, пропуская посетителя вперед.

Внутри было опрятно. Столы чистые, выскобленные, пол подметен, ставни на окнах открыты, в них поступал прохладный воздух со двора. Под притолокой торчали ветки полыни и можжевельника.

За спиной послышалось сопение:

– Светелки наверху. – Парень показал рукой на ведущую на второй этаж лестницу.

– Ну что ж. Зови хозяина.

Хозяин, бородатый тучный мужик в чистой вышитой рубахе, появился незамедлительно.

– Хозяин, крышу-то у тебя снять можно?

– Дык, а насколько остановишься? – хозяин постоялого двора скосил глаз на одежду гостей, видно прикидывая, что взять с приезжих за постой.

– А это как дело пойдет. Думаю, дня два точно пробудем.

– А коли так, оставайся.

– И сколько за это удовольствие я должен?

– Ты один?

– Два десятка нас, но воям моим достаточно будет одного большого помещения на всех да свежего сена в тюфяках, чай не бояре. А то ведь мыслишь три шкуры с меня содрать?

– Ага, с тебя сдерешь! – слегка задумался, в подсчетах ничего сложного не было, каждодневная рутина. – Четыре деньги с вас и шесть за остальных скопом.

– Побойся Бога! Чай не базарный день, а я тебе не купец, не торговать приехал.

– Охо-хо, разорюсь! Ладноть, три и пять за всех остальных.

– По рукам. Пускай юнец устраивает моих воев, а ты показывай светелку, умоемся, ужинать спустимся. Так что ты на всю братию меда хмельного выставь да щец, а к ним по доброму куску свинины зажарь.

– Сделаем. Давай деньги, и идем смотреть светелку.

Андрей полез в кошель, отсчитал монеты и сунул в руку хозяина заведения.

Сполоснувшись с дороги, вдвоем спустились на ужин, где за широкими столами расположилось голодное воинство. После дороги еда показалась необычайно вкусной. Хмельной мед бодрил. Помимо них в зале хватало посетителей и жильцов. После хлопотного дня в заведении был аншлаг. Как набил утробушку деликатесами, потянуло в сон. Уже стоя на лестнице, Андрияха окликнул хозяина:

– Уважаемый, как бы нам всем с утра в баню сходить, уж очень помыться хочется, но сегодня сил уже нет.

– Дак, на заднем дворе баня. Сегодня отдыхайте, а завтра с утра милости просим. Баня у нас знатная, спозаранок пошлю топить, как проснетесь, все будет готово.

– Благодарствуем.

– Да и бельишко простирнуть можно, в оплату все уложено.

Поутру, сытые и намытые, словом как две новые гривны, Андрей с Судиславом, оставив остальных отдыхать, вышли на рыночную площадь. Рынок гудел как растревоженный улей, пройдя мимо купеческих лабазов, они очутились у начала торгового коловорота. По понятиям

Андрея, рынок мало чем отличался от барахолок тысяча девятисотых годов, только сам народ здорово отличался одеждой. Холщовые рубахи свободного покроя с вышивкой по рукавам и вороту, просторные штаны, редко цветные, все больше серого цвета из отбеленного полотна, кожаные куртки, грубо пошитые, да безрукавки из шкур мехом наружу, а у женщин платки, завязанные под подбородком, реже головные уборы с вышивкой или жемчугом, но это у тех, кто побогаче. Перед глазами промелькнула ватага скандинавов, гастарбайтеров из северных стран, бряцающих воинской справой. Каким ветром их занесло в лесной погост Переяславского княжества? Смеясь и переругиваясь на своем языке, они, раздвинув толпу, прошли в боковой проход. За деревянными лотками, крытыми навесами из дранки, торговали узнаваемые по прошлой жизни лица кавказской национальности, среднеазиаты, да и славян-торговцев присутствовало много. Торговали всем, чего душа пожелает. Нынешняя толкотня торговля наполнила сердце его ностальгией по дому. Раздавались зазывные выкрики на ломаном русском языке.

Торг шел по полной программе, народ торговался, пытался выгадать даже в какой-то мелочи. Лотки тканей и готовой одежды, обувь – все это рядами, подходи, выбирай кому что надо. Лотки кожевников – выделанные кожи и изделия из нее: ремни, куртки, упряжь, седла. Ювелирные изделия из серебра, стекла. Мед пчелиный всех сортов, оттенков, вкусов. Мед хмельной, ромейское вино в бочках, кувшинах. Пушнина.

Они продефилировали мимо лотков с овощами, где продавали репу, морковь, какую-то зелень. Дальше находились лотки оружейников – мечи, щиты, топоры, ножи, кинжалы, наконечники копий и стрел. Под одним из навесов крепкий бородатый мужичонка, восседая за прилавком, молча созерцал прохожих, приценивавшихся к товарам. Кольчужные рубахи мелкого плетения с бляхами на груди, шеломы, наручи, поножи – все лежало перед ним или было развешено за спиной продавца. Наконечники стрел соседствовали с незамысловатыми, без особых украшений ножами и кистенями. Отдельно в ряд стояли мечи, на взгляд Ищенко, не самого доброго качества. Да и выйдет ли оно из рук деревенского коваля, так, потуги на столичные штучки, но для боя сойдет.

– Доброго здоровья! – послышалось приветствие за спиной.

– И тебе не хворать, Боря, – обернувшись, откликнулся Ищенко. – Что на торгу? Может, придется в другое поселение перебираться?

– Незачем. Здесь скупимся. И цены на все товары вполне приемлемы.

– Храм Божий видел?

– Это византийское капище-то? Видал. А что ты хочешь, сотник? Погост в уделе княгини Ольги, она здесь верховодит и порядки устанавливает. Святослав на этой земле матери перечить не станет. Вот местный люд и поделился по вере. Теперь одни к волхву, другие к чернецу за напутствием и молениями бегают. Так и пусть им, нам-то что за дело до ущербных?

– А и то верно, – согласился с Боривоем десятник, больше рассматривая оружие на прилавке, чем вдаваясь в осмысленный разговор.

– Ладно. Завтра уходим, Боря. Ты и без меня свое дело исполнишь.

– Сполню, боярин.

– Вот и хорошо. Пойду, прогуляюсь, погляжу как местная верхушка живет, чем дышит.

– Мне с тобой, сотник?

– Не нужно, Судислав. Ты тоже пройдишь, осмотришь, может, у меня глаз замылится, так подскажешь чего.

Расставшись с родовичами, Ищенко вышел за пределы базарной площади. Ноги привели его в мастеровую слободку, на самой окраине погоста. Еще на подходе он услышал из-за тынов и плетней веселый перестук молотков по наковальням и почувствовал запах сжигаемого угля и жженого железа. Кузнецы.

– Наша корчаница, он та, – отставший от ватаги малец в длинной, ниже колен рубахе с вышивкой указал воину пальцем на одну из кузниц.

Андрею захотелось побывать в кузнице, направился к указанной пацаном. Протиснулся под навес небольшого помещения, площадью где-то шесть на четыре метра. Навес почти открытый, лишь огорожен плетнем. На глиняной площадке овальной формы в центре выложен горн – жаровня, расположенная на каменном возвышении со стенкой у одного из краев. Около стенки в горне небольшое углубление для углей и нагреваемых поковок. Это «горновое гнездо» в форме прямоугольника с полукруглым дном. В углубление, проходя через стенку, выходило глиняное «сопло», через которое к углям подводился воздух от воздуходувных мехов. В Гордеевом городище кузня устроена была несколько по-иному.

Андрей когда-то читал, что кузнечный горн служит для нагревания железа и стали при кузнечной ковке или готовых изделий при термической обработке. Топили здесь древесным углем, присутствие пыли которого явно ощущалось в воздухе, вместе с дымом создавало першение в носу и горле.

Крыча, хозяина «производства», отменно характеризовали аккуратно разложенные аксессуары и инструментарий мастеров. Кочерга, пешня, железная лопата и прыскалка – швабра из мочала для смачивания угля водой, все лежало по своим местам. Основной инструментарий кузнеца состоял из наковальни, молота, молотка, клещей, зубила, бородков. Любопытный Андрюха подметил и специализированные инструменты, дошедшие из-за своей простоты и нужности до слесарей двадцать первого века. Кроме основных средств, у кузнеца имелись гвоздильни, нижние зубила, подсеки, обжимки, подкладки, штампы, напильники, тиски и круговые точила. У самой стены в каком то одному хозяину ведомому порядке сложены крицы, куски железа с серыми и темными пятнами пустот и шлаков и уклад – стальной сплав.

Судя по инструменту и порядку на рабочем месте, кузнец действительно был знатный. Интересно, каким ветром занесло его семейство в захолустный погост на границе двух княжеств?

Крепкий черноволосый детина лет под сорок, с лицом, испачканным разводами сажи, по голому торсу которого струился пот от жара и работы, в фартуке из кожи. Одной рукой клещами удерживал поковку какого-то изделия, нагретую до малинового цвета, на наковальне, поставленной на толстый чурбан, врытый в землю, другой ударял по ней молотком, показывая напарнику, куда шарашить кувалденкой. Умелец давно заметил глазевшего на происходящее в его пенатах пришлого, но отрываться от процесса не торопился, помахивал ручником, окучивая изделие, да покрикивал на подмастерьев, двух парней, очень похожих на него ликом, с хорошо развитой мускулатурой.

– Данила, с оттягом бей! Так, так, добре! Микула! Как там вторая, разогрелась?

Для усиления горения угля и повышения температуры в горне второй подмастерье качал мощные меха, две вытянутые сердцевидные планки, объединенные кожей, собранной в складки, чем достигалась возможность раздвигать их. Узкий конец планок оканчивался трубкой-соплом, вставленным в сам горн. Стойки сверху соединялись брусом, к бруску подвесили коромысло, один конец которого, соединявшийся верёвкой с нижней крышкой, и качал упавшийся второй воспитанник кузнеца. Было заметно, как жар пышет и в его сторону.

– Дак готова, батя!

– Данила, хорош поковку ласкать, пока ее в сторону отложим. Микула, тащи вторую, берешь молоток и проковываете без меня.

– Добре, бать, зробим! – повеселевшим голосом откликнулся горновой.

– Что привело доброго человека к порогу моей кузни? – обратился кузнец, выведя сотника из жаркой кузницы наружу.

– Шел мимо, услышал перестук молотков, дай, думаю, зайду на огонек.

– У меня, воин, как раз по тебе имеется готовая байдана. Возьмешь? Сковал, да вот беда, заказчик погиб.

– Покажи.

Когда кузнец вынес свое изделие, Андрей долго и обстоятельно приглядывался к работе, надел на себя, покрутился, поприседал, спросил:

– Сколько желаешь за нее получить?

– Э-э! Чего там! Две куны серебром, работа отменная.

– За байдану дороговато, но так и быть, согласный. Только раз так, я еще во-он тот круглый щит заберу.

– По рукам!

Тряхнув мошной, Ищенко расплатился с мастером.

– Байдану отправишь с посыльным на постоялый двор Весеня, пусть найдет людей сотника Андрея, отдаст ее им. Недосуг мне с железом по погосту ходить.

Обе стороны остались довольными друг другом.

Конец, на котором жила местная старшина, по своему напоминал подмосковный поселок для новых русских. За высокими заборами из строганного теса, с массивными воротами на железных петлях, по краям дороги в два ряда выглядывали терема, украшенные резными наличниками и ставнями. Однако вместо стекол в рамах окон поблескивала на солнце мутная слюда. Из-за заборов раздавались голоса челядинов и лай дворовых собак. Жизнь кипела, как и везде. По-над самыми заборами умная голова догадалась проложить канавы. Рассматривая дома местного бомонда, Ищенко вышел к берегу реки, прямо к широкому затону с мостками для лодок и лодий. Сама улица не доходила до него метров сто, и не занятое никем место поросло кустарниками и деревьями. Видно, разлив реки в половодье не позволял отстроить еще пару дворов. Противоположный берег порос лесом и радовал глаз спокойствием пейзажа. Светлая листва на берегах наполняла радостью душу.

В одиночестве Андрей посидел на досках одного из мостков, любовался на реку. За временем он не следил, спешить было вроде бы некуда. Задумался и только в последний момент направил внимание на происходящее у себя под боком. Два дюжих молодца, щекастых и явно никогда не испытывавших голода, тащили от ворот крайнего подворья к реке упирающуюся бабку. В силу своей немощи, потуги старой женщины пасовали перед силой откормленных парней. Те, с шутками и прибаутками, не слушая стенаний старухи, волочили ее напрямиком к мосткам.

– Вы че творите, уроды! – возмутился он.

– Пшел с дороги! – сбросив улыбку с лица, погрозил один из катов.

– Изыдь отседова, пока цел, чужак! – вторил приятелю второй.

Вся троица была уже не далее чем в пяти шагах от Ищенко. Спокойствие и благолепие слетело с того в один присест. Андрей очень не любил самодовольных лизоблюдов, а именно эта порода из рода человеческого сейчас мозолила глаза. Андрюху переклинило, как было не раз в прошлой жизни. Теперь даже бабка была ни при чем, просто встретились с его одиночеством два хамства, и вылилось это все в неприятность для кое-кого.

Бабка не больно отлетела в ближайший кустарник и, прикусив угол платка зубами, молчаливо наблюдала за тем, как непонятно откуда взявшийся на дороге у самой реки чужин, по виду вой, раскидал по сторонам челядинов купца Силуяна. Так мало им, нет ума, его и не купишь! Поднялись болезные и снова в драку полезли. На глаза Властимире навернулись слезы, не от боли, нет, скорее от веселья проступили. Давненько никто так не тешил старую. Ох, и давненько! Конечно, зря чужак в разборку влез, она бы и сама справилась. Это для видимости упиралась, нельзя же вести себя перед двумя дурнями, словно овце на заклании. Еще бы три-четыре шага, и плавали бы в воде Вторуша с Тетеревом вместо нее, как два карася. Ха-ха! Но так даже интересней. Вот уже и с земли подняться не могут. А молодой вой-то каков

молодец! Ай да витязь! Небось, девки по такому десятками сохнут? Ха-ха! Надо бы глянуть, какова судьбина у молодца, что Веды на се скажут?

На Руси каждый сварожич знает, что Веды самое древнее и объемное Священное Писание Земли. В них содержится информация обо всем, в частности об Яви, Прави и Нави, и о каждой сфере человеческой жизни. Вне зависимости от веры, все человечество подчинено единым законам. В духовной жизни людей действуют законы единые метафизические. На Земле в древнейшие времена была единая цивилизация, было и единое Знание, то есть Ведическое знание. Духовицей-ведуньей называли посредницу между Небесами и Землей.

Властимира, сколько себя помнила, а лет ей было уже немало, ведала тайным знанием, имела врожденный дар ведать всеми взаимосвязями мира тонкого духовного и земного, обладала знаниями всего человеческого, знала древнюю мудрость, которую передала ей еще в детстве ее бабка. У нее был дар к ясновидению и духовному видению. Она ведала причинами жизни и смерти любого человека, могла общаться с душами, которые уже ушли за кромку, знала о причинах всевозможных человеческих проблем, ведала прошлыми воплощениями, которые влияли на живущего здесь и сейчас человека.

Славянские ведуньи были весьма авторитетными личностями, наделенными мудростью женщин, становились духовицами для целых поселений. Вот и к Властимиру каждый шел за советом, с проблемами и за помощью в бытовых и семейных делах. Даже просто ее присутствие вело к процветанию и одухотворению, к росту благосостояния поселения.

Понятия добра и зла смешались с приходом на Русь христианской религии, иного для славян бога Иисуса. Некоторые стали думать, что колдунья и ведунья – это одно и то же, но это неверно. Духовица или ведунья, суть светлая, не может принадлежать силе темной, ей нет надобности пользоваться черной магией, ибо сам ее Дух сильнее темных сил. Черноризные греки после крещения славян в уделе княгини Ольги приложили немало сил отворотить от ведунов и ведуний народ, кнутом и пряником загоняли всех в новые храмы. Славяне крестились на иконы, ставили свечи перед ликами святых, слушали проповеди на непонятном для них языке, а с просьбами шли к чурам родовых богов, за толкованием своих проблем обращались к духовицам. Нет, люди верили в нового бога, но и старых не хотели отпускать.

Купец, позвавший к себе Властимиру, слыл в погосте удачливым и богатым человеком, вот только была в нем червоточинка, и даже не одна, а целых три. Жаден был непомерно, завистлив и властолюбив. Иной боярин к своей челяди относился лучше, чем Силуян к домашним, а посторонних и за людей не считал. Не раз ведунья пыталась вразумить самодура, тратила слова и время на него. Не помогало! Все, как с гуся вода. В этот раз сам позвал в дом. Нужно было решение принимать по серьезному вопросу. Пришла. Выслушала. В глаза заглянула. Да и чего там заглядывать? У купца за челом сплошная чернота.

– Вот что, Своерад, – назвала, как родитель нарек. – Нет тебе дальней дороги. Дома сиди. Тогда, быть может, пройдет стороной черная полоса мимо. Если решишься в Новгородские земли плыть, потеряешь больше чем найдешь, а то и голову сложишь. Оно такое надо?

– Да ты, старая, из ума совсем выжила! – вспылил купчина. – Я у тебя спросил всего лишь, каким путем мне идти, а ты мне дорогу решила закрыть! Да знаешь ли ты, с какими людьми я дело имею? Это первые люди на торговых полуночных путях. Вся Ладога под ними ходит. Ведьма проклятая! Прости, Господи! Эй, Тетерев! Подь сюда!

В светелку вбежал вызванный челядин.

– Я тут, Силуян Чередич!

– А ну, хватайте на пару с Вторушей эту глупую бабу да скиньте ее с мостков в речку. Нехай охолонит, можд ума ей бог прибавит! Чего встал? Тащи ее вон с терема!

– Ага!

– Эх, Своерад, стал ты совсем скудоумен, – высказала напоследок ведунья, влекомая Тетеревом за загривок прочь из купеческих палат. – Попомнишь мои слова, когда туго придется!

Последнее напутствие кричала уже со двора, когда оба челядина тащили ее к воротам.

Старческой семенящей походкой подбежала к переводившему после стычки дыхание неожиданному заступнику, стоявшему неподалеку от купцовых смердов. Ухватила за руку, обратив на себя внимание светло-голубых глаз парня.

– Идем скорее отседова! У купчишки дворовых много, со всеми разом не управишься, да еще и видаки найдутся, обвинят во всех смертных грехах. Здесь племя, жадностью порченное, живет. Идем. В гости тебя приглашаю.

– Ну, что ж, коли приглашаешь, тогда пойдем, бабуля.

Давно уже остался позади погост, под сенью леса змеилась тропинка. Старушеница, споро перебирая ногами, упорно вела Ищенко за собой. Наконец бабка остановилась и громко произнесла слова, будто кого увидела и обратилась к нему:

– Будь, наша хоромина, богами востима, от лиха хранима, пресветлая, благословенная, каждая дырочка, каждая щелочка, со дверьми, со окошечками, со бревешечками!

Андрею показалось, что лес расступился перед ними, что деревья развели в стороны ветви, и на маленькой уютной полянке обнаружилась избенка под крышей, крытой крупной щепой.

– Ну, бабуля, предупреждать же надо, а то ты своими спецэффектами из меня заику сделаешь! – вырвался возглас у молодца.

– Ха-ха! А я-то думала за мной витязь идет, который никого не побоится в этой жизни?

– Может и так, но мера-то во всем быть должна.

– Пошли.

Вблизи бревенчатая, почерневшая и щелястая от времени изба не выглядела такой уж и игрушкой. Небольшое оконце, закрытое бычьим пузырем, подслеповато смотрело на пришельца со старухой. Трава у приступки в жилище выкошена. Дверь на ременных петлях. Ну, по большому счету все как у людей, правда, местных.

Старуха первой подошла к двери, потянула ее за деревянную резную скобу. Оглянувшись, напутствовала Андрея:

– Ты голову-то пригни, ишь вымахал, этак лбом потолок в избе прошибешь, и во влазне осторожней, рухлядишка у меня в ней кой-какая сложена.

– Ага.

– Тогда заходи, гостенек дорогой!

Пройдя точно за бабкиной спиной через совсем мелкий коридор, через вторую дверь попал в горницу, она же и единственная комната в избе. В центре печь, как у всех в этом времени, без привычного гостю дымохода. Стол, лавка для сна, покрытая шкурами животных, рядом два табурета. На настенных полках полно горшков, у дальней стены, той, которая «слепая», на протянутых бечевах развешаны пучки разных трав, запах которых дурманил обоняние. Горище в избе отсутствовало. На центральной, лежащей поперек избы балке сидела и подслеповато пялилась на людей настоящая сова.

– Оба-на! – заметив птицу, проявил восторг парень.

Старуха хмыкнула.

– Птица Сва – Божественная Птица – Птица Сварога, от которой невозможно что-то скрыть даже в темное время суток. Она же символ таинственного ночного собрания. Помощница моя, сопровождает меня по миру Нави, помогает общаться с теми, кто за кромку ушел, узнавать у них прошлое и будущее нашего мира. Совы вместе со змеями охраняют от злых и жадных тварей все великие тайны Природы, – менторским тоном оповестила гостя.

– Так-так, бабушка, а скажи-ка мне, такому глупому и недальновидному, уж не в дом ли ведьмы я в гости наведалься?

– Дурак ты, право слово! Оно, конечно, и без всякого знания видно, что ты в погосте чужак. Но ведь вступился за старушку, а долг, как известно, платежом красен. Но с той дрянной породой, кою ты назвал, ничего общего не имею. Ведунья я. А ты небось крещеный? Хотя чего это я спрашиваю? У нас родового имени Андрей отродясь не бывало. За стол садись, кормить буду.

Ищенко почувствовал, как от упоминания о еде засосало под ложечкой. Проголодался!

Ведунья споро выставляла на стол холодные закуски, немудреную деревенскую снедь. Пирог, зелень, крашенки, сало, сметану. В общем все, что было. Уселась и сама напротив гостя, произносила, заглядывая в глаза:

– Людины с проблемами идут, ну и подношения приносят. Сама я...

Старая женщина вдруг, ни с того, ни с сего, напряглась, оборвав свою речь. Показалось или есть что-то? Пришлый воин, сидевший перед ней с такими светлыми голубыми глазами, отвел взгляд на съестное, но что это промелькнуло в этих чистых, казалось бы, незамутненных глазах. На Властимиру взглянул отнюдь не человек, рожденный под этими звездами. Пришелец из другого мира? Нет? Не может быть! А может, все же может?

– Стой!

Ищенко придержал у самого рта руку с пирогом, зажатым в пальцах.

– Чего?

– С дороги умыться треба, а потом и за еду браться. Пойдем солью воды на руки, умешься.

– А, ну да.

– Рубаху-то сыми, замочишь.

– Да...

– Сымай, кому говорю.

Пока бабка вышла на крыльцо за водой, нехотя стянул с себя рубаху, бросил на лавку, а тут и бабкин голос призывно подоспел, оповестил, что его ждут на крыльце. Приложившись лбом низкого потолка коридора, вышел. Старуха в ожидании стояла с глиняным горшком в руках, а перед ней на траве у входа стояла большая миска, выдолбленная из цельного куска дерева.

– Подходи, наклоняйся, солью.

– Ага.

Ну, наклонился, помыл лицо и руки. Вытерся рушником.

– А се чего у тебя на предплечье шуйцы.

Вот же дотошная карга. Углядела татуировку. Над земным шариком раскинула крыла летучая мышь, и надпись: «Военная разведка». Ну и чего отвечать старой? Сказать, мол, грехи молодости. Типа сделал по глупости, теперь жалею! Не прокатит. Гм!

– А это, бабушка, знак принадлежности к роду. Как говорится, «Мы родом из спецназа».

– Тотем родовой.

– Во-во!

– Ну, иди, снейдай. Меня не жди. Дело у меня появилось малое.

– Добро.

Ищенко не видел, как бабка, склонившись над водой, слитой ему на лицо и руки, читала заговор, как потом пристально вглядывалась в воду. Удовлетворившись увиденным, старая духовица вошла в избу, уселась напротив него.

– Значит, в белого бога ты не слишком-то и веришь, и в родных богов тоже.

– Ну, и?..

– Не прост ты, касатик, ох не прост. Только ведь и я не проста. Личина твоя юнацкая меня сперва подвела, теперь знаю, кто передо мною. Знать, боги решили дать тебе возможность прожить жизнь здесь?

– А хоть бы и так! – запихиваясь пирогом, ответил Андрюха.

– Ладно, дай я теперича поближе на тебя взгляну.

Властимира взгляделась в узлы энергии в теле сидевшего перед ней мужчины, так называемые вихри – мощные полевые образования, невидимые глазу простого смертного. Местоположение второстепенных вихрей разбросано по всему телу, часть из них соответствует положению суставов конечностей: шесть верхних являют здоровье плечевым суставам, локтевым суставам, лучезапястным и кистям рук; шесть нижних соответствуют тазобедренным суставам, коленям и голеностопам со ступнями. Когда ноги человека разведены не слишком широко в стороны, коленные вихри соединяются, образуя один большой вихрь. Добре, здесь он здоров. Дальше. Девять главных центров-вихрей. Род, вот он, в районе темени, его энергия имеет белый цвет, хороший, насыщенный. Дальше, вихрь между бровей, он фиолетового цвета. Ничего не скажешь. Хорош! Тар, горло, рот, цвет синий. Следующий, кален, левая сторона груди, сердце, цвет – голубой. Ах, как играет, вот что значит молодость человеку дадена! Хор, правая сторона груди, зеленый. Вол – солнечное сплетение, желтый. Сак – живот, в районе пупка оранжевый вьюнок вихрит. Добре, здоровый бычок. Малка – елда, цвет красный, все как должно быть. Ну, а даж можно и не смотреть, вон он черный как смоль, это копчик. Все вихри вращаются с большой скоростью, обеспечивая силой его всего, сливаются в одно плотное вращающееся веретено, по форме напоминающее большое яйцо. Ты смотри, мало того, что здоров, так из него сильный ведун мог бы получиться. Но видать не судьба. На роду ему воином быть. И кто я такая, чтоб волю богов изменять.

– Великий Коло есть круг, круг богов покровителей. На руке у тебя магический круг – надежное средство против упырей и нечисти. Круговое Святилище – хороводное священнодействие – способ прямого живого общения с родовыми светлыми силами и получения от них помощи огромной силы. Нетопырь в нем – знак рода. Это, конечно, не рерик, но свою роль он играет в твоей судьбе. Может, только благодаря этому символу на руке ты до сих пор жив, боярин.

– Так, может, мне теперь старым богам молиться?

– Ну, во-первых не старым, а родным богам, а во-вторых, славяне не молятся своим богам, они славят Правь – верхний божественный лучезарный мир, поэтому и называются православными или просто славянами. Ты думаешь эти, ну, которые в погосте живут, они почитай все крещеные, персты на лоб кладут, в церковь к греку ходят, они в родных богов не верят? Верят, еще и как. Втихомолку в лес на капище бегают, требы носят. Так и живут. Так почитай все в Ольгином княжестве живут. И скажу тебе, не таясь, будут жить до тех пор, пока русы в церквах греков не сменят, да мало того, пока молитвы эти новые жрецы белого бога на единый для всех славян язык не переложат да не выучат наизусть. А то ведь срам один, чужаки душами верховодят. Тьфу! Верить или не верить, это только твой выбор. Хочу лишь сказать, жизнь твоя будет длинной, но легко тебе ее не прожить. Предстоит тебе умереть в бою, а потом возродиться снова. Да! Открою имя твое, исконно славянское – Влесослав.

– И с чего ты взяла, старая женщина, что есть у меня такое имя?

От бабкиных умозаключений, ее настойчивых повествований относительно всей этой изотерической лабуды, касаемой непосредственно его, Ищенко изнутри стало корезить.

– Покровитель у тебя сильный, на него рассчитывать можешь всегда. Это он тебя через переход допустил, иной бы не прошел. На левой лопатке ты его знаком помечен, будто медведь лапой ударил, отсюда и имя твое настоящее.

Левая лопатка лейтенанта действительно помечена шрамом, так сказать приветом из детства, но в вольной трактовке старухи нашлось шраму другое объяснение. Долго прожила, чего с нее взять, из ума выжила. Спросил, чтоб не расстраивать старушку:

– Кто?

– Сам Велес, бог света, мудрости и богатства. Ты с ним еще повстречаешься, я это видела.

– Стоп! Я не хочу знать, что ждет меня впереди.

– Это твое право. Я тебя больше не держу, боярин, дорогу назад найдешь без труда.

– Тогда прощай, бабуся. Спасибо за приют, за ласку.

– Ну, за порог-то я тебя провожу.

Только вышли за порог, как бабка ухватила Андриюху за руку. Откуда у старухи столько сил и руки как клещи? Аж дух захватило, не заметил, как оказался на коленях перед старческой грудью.

– Должок-то я тебе не возвернула, онучек! Всем, чем могу, отведу от тебя силу темную.

Андрей скорее почувствовал, чем натурально ощутил бабкины руки у себя на голове. Две ласковые, словно родные, руки легли на отросший волос, покрыв пальцами затылок. Слова заговора он слышал как бы со стороны, будто ветер, срывая их с губ ведуньи, тут же уносил в небо.

– Ой, ты, Свет, Белсвет, коего краше нет. Ты по небу Дажбогово коло красно солнышко прокати, от онука Даждбожего Влесослава напрасну гибель отведи: во доме, во поле, во стезе-дороге, во морской глубине, во речной быстроте, на горной высоте бысть ему здраву по твоей, Даждбоже, доброте. Завяжи, закажи, Велесе, колдуну и колдунье, ведуну и ведунье, чернецу и чернице, упырю и упырице на Влесослава зла не мыслить! От красной девицы, от черной вдовицы, от русоволосого и черноволосого, от рыжего, от косого, от одноглазого и разноглазого и от всякой нежити! Гой! Теперь встань и иди своей дорогой, но всегда помни, не властна отныне над тобой любая нежить, ни своя, ни заморская.

Ищенко поднялся на ноги, вроде бы отступил от бабки на шаг, только глядь, а стоит он сам на лесной тропинке, и нет ни впереди, ни сзади ни избы, ни поляны, ни самой бабки. Все будто примерещилось, только сытость в желудке напоминала о былой действительности. Пора настала возвращаться в погост.

* * *

Утро начинается, на-чи-на-ется!..

– Смотри за моими движениями. Ты атакуешь. Нападай! Я ставлю блок. Вот так. Видишь, он скользящий. Я превращаю слабую защиту от твоего сильного рубящего удара в скользящий блок. При твоей атаке, в само касание клинков, принимаю рубящую грань твоего меча, на голомень своего. Ты проваливаешь удар, твой меч соскальзывает с моего, а я завершаю свое деяние вот так.

Меч Ищенко без должной силы в реальном бою чиркает по кольчужной рубашке молодого Первака в районе левого бока и живота.

– Вот так! Стыдно тебе, Первачина, забывать уроки Стеги Одноногого. Погиб дед, но ведь науку свою он не только мне, но и тебе, сиволапому, передал, а ты ее забываешь.

– Прости, батька, не ждал удара!

– Не жда-ал удара!.. – Помните все, что защиты мечом или любым заточенным рубящим клинком выполняются не гранью клинка, а плоскостью – голоменью. Если у меча острое сильно закаленное лезвие или тупое и более мягкое, удар лезвие в лезвие быстро приведет его в негодность. Такое деяние ускоряет поломку оружия. Лезвия рубящих клинков должны оставаться острыми и не иметь зарубок или щербин.

С тех пор как они выехали из погоста, расставшись со своими соплеменниками, Андрей гонял своих бойцов после каждой ночевки, при этом вслух употребив выражение: «Чтоб служба медом не казалась!» Между делом он просто шлифовал технику клинкового боя, учил тому арсеналу каждого воина, который передается в роду из поколения в поколение и самостоятельно нарабатывается в боях.

– Судислав!

– Я, сотник!

– Как там наш дорожный попутчик?

– Совсем оклемался. Только левая рука не действует, но тут уж никак, сам ведаешь, перебила.

– Ну-ну!

Минувшим днем на лесной дороге они выехали как раз к месту сечи. Лесные тати напали на немногочисленную кавалькаду воев, сопровождавших пару телег обоза, и успели качественно потрепать путешественников. Ко времени вмешательства в дела лихих людей в живых была пара обозных и из десятка два воина, да и те исходили рудой. Обоз отбили, выжившие тати растворились в лесных дебрях, а на руки Ищенко легло бремя в лице раненого боярина Романа, возглавлявшего поход.

Пройдя вдоль походной стоянки, остановился у телеги, поверх накидки, на которой на медвежьей шкуре возлежал раненый боярин. Заглянул в бледное, усталое от боли лицо, спросил:

– Ну, ты как?

Роман открыл глаза, с интересом посмотрел на своего спасителя. Вместо ответа задал вопрос:

– И куда мы теперь?

– Хм! Мы? Доведу вас до ближайшего жилья, там сдам на руки смердам, ну а сам на север подамся, в Новгород.

– Послушай меня! Я так понял, что вам все едино, как ехать. Давай сделаем крюк, отправимся в земли ростовские, там у моего двоюродного брата по матери, боярина Олега отчина, усадьба с землей, от отца в наследство доставшаяся. Он хоть муж и молодой, а нас сирых приютит. Я к нему и обоз веду.

– Подумать надо.

– Чего там думать, Андрей? Едем! Примут там нас как родных!

– Вот так всегда у русских, планов громадье, мысли умные, цели благородные, а потом встречается на пути такой вот, как ты, и по исконной традиции, и от широты души, р-раз и все коню под хвост. Помочь нужно, свой интерес всяко соблюсти успеется. Мать его так! Едем.

2

*Непонятны людям были
Старцев мудрые прозренья,
Потому они изгнали
Мудрецов из всех селений.*

Николина Вальд. Волхвы

– Многие из нас умеют предсказывать будущее, врачевать болезни, снимать с людей порчу, лечить скот, вызывать стихии. Иные могут с помощью заговоров превращать людей в животных.

Людослав, помешав варево в небольшом котле, зачерпнул толику его, пригладив ладонью бороду и расправив полностью седые усы, подув в ложку, остужая кипяток до приемлемого состояния, отведал для пробы. Сидевший у костра напротив старца отрок с интересом внимал словам собеседника. Казалось, юнец забыл обо всем, что их сейчас окружает. Старик крякнул от удовольствия.

– Еще чуть-чуть и будет готово! У щуров не было изображений божеств и рукотворных храмов для них. . . – глянув в глаза мальчишке, продолжил прерванное повествование старец. – По-первых, они посвящали им леса и рощи и называли «богами» нечто таинственное, осязаемое лишь для преклонения в духе. С тех пор сохранился обычай вешать на ветви берёз, класть на камни у источника или к подножию старых дубов и лип нехитрые дары – приношения местным хозяевам и хозяйкам. И это вовсе не жертвы с целью ублажения, а просто знаки внимания и уважения. И не было там никаких сооружений и изображений. О том, что место священо, по ленточкам и лоскуткам, развешанным на деревьях, да по охватывающему человека чувству благодатного умиротворения поймет любой родившийся на этой земле. Помни, Веретень, наши божества с нами повсюду. Они населяют леса, горы, доли, реки и озёра, туманы и зарницы. Не станет меня, они всегда придут на помощь, когда попросишь. Многому я научил тебя с тех пор, как нашел в сожженной степняками деревне. Оба мы с тобой неприкаянные, лишившиеся рода. Во времена моей молодости старший в роду был одновременно и жрецом в обрядах родового значения, служил не богам, а своему роду, и этим служением сама родовая жизнь закономерно обретала значение освящённой свыше. В моем роду главенствовал Вели-мудр, сильным волхвом был. На закате жизни исчез в никуда. Волхвом он выступал только на праздниках, зато при нем рода наши поднялись высоко.

Ложка вновь коснулась губ старика.

– Ну, вот и готово. Снимаем с огня, съесть будем. Отнеси к малиннику краюху хлеба и ложку каши, угости хозяйку сего места. Нехай берегиня полакомится подношением.

Малец, встрепенувшись, легко вскочил с места, зачерпнув ложкой варева из котла, побежал к зарослям малины, заполонившим лесное пространство в двух десятках метров от облюбованной волхвом полянки, приткнувшись одним краем к узкому летнику на высоком берегу реки. Словно в благодарность за подношение, по листочкам растений прошелся шорох шепотка, а может быть, легкий ветерок пробежал по округе.

Оба странника, и юноша, и старец, черпая ложками кашу, с удовольствием наворачивали ее за обе щеки. Разговор, видимо начавшийся давно, временно был прерван. Ласковое солнце августовского дня радовало глаз на синем небосводе. Река несла свои воды по древнему руслу. Птичий гомон улаждал слух. Но не спокойно было на землях княжества, составлявшего удел княгини Ольги.

Старик приумолк, судя по всему, воспоминания прежней жизни заставили отвлечься от съестного. Старый волхв поднялся на ноги, оперся на резной посох. Свежий ветерок, нечаянно поднявшийся с речной стремнины на берег, трепал пряди седых волос.

– Пора идти, отрок, путь нам еще не близкий, чай не на лошадях скакать, пехом следовать.

Юнец, идя впереди своего наставника, все по тому же летнику у берега реки, бросал взгляд за спину, пытаясь определить меру усталости старика.

Дед, встав среди дороги, перевел дыхание. Старость явно давала о себе знать. Сколько лет ему? Он и сам сбился со счета. Весь седой как лунь, сгорбленный. Сейчас вряд ли кто признал бы в нем воина. Любой бы определил в нем волхва, а по вышивке на вороте рубахи – кривича. Веретень тоже вынужден был остановиться, поджидая учителя.

– Идем, диду, колесница Хорса вскорости за верхушки деревьев зайдет, – позвал старого хлопец.

– А то я не вижу?! – усмехнулся старец. – Э-хе-хе! Время бежит неумолимо. Когда тебя, тогда еще несмышленища, подобрал да выкормил, решил свои знания лесной науки передать. Не всяк это умение – понимать язык живой природы – примет. Ты вот смог. Языки трав, деревьев, птиц, зверей и других лесных соседей, а также умение принимать их облик, сложное. Ты и до сих пор не можешь оборотиться зверем лесным. Будет ли у меня, старика, время восполнить этот пробел, одним богам известно.

– Ты еще крепкий, деда Людослав!

– От судьбы не уйдёшь, отрок, и часто смертный удел настигает бежавшего с поля брани человека в дому.

– Но ведь мы не бежим?

– Некуда нам с тобой бежать. Я образно баю, но ты прислушайся к речам сим.

На ночь укладывались в подлеске у дороги. Ночь спокойная и звездная сошла на землю. Южное августовское небо было таким низким, что казалось, захоти дотянуться до ночного светила, достаточно руку протянуть и достанешь. Сама ночь жила своей жизнью. Еще сизмальства, в самом начале обучения, Людослав прочно вдавливал в голову ученика прописные истины, известные каждому родовому волхву. Веретень крепко запомнил наставления старика:

– Любой волхв-отшельник всегда оставит тробы лешему на пне, но никогда не будет приветствовать рукотворную боговщину. Не боги награждают или наказывают, а сам человек себя награждает либо наказывает, следуя или не следуя справедливым заповедям природы. Это ведунам и ведьмам, в их деяниях, идолы служат напоминанием, что существует нечто, о чём ничего не могут знать смертные, при этом плетут они словесные заклинания. Для Вели- мудра обряд являлся действием без всяких слов; слова были не нужны, а если и произносились им для сопровождения обряда словесные заклинания, то только для находившихся рядом с ним людей. Ты еще слишком юн, отрок, но силу слова должен понимать, посему, произнося заученную форму оберега: «Умоюсь утренней росой, утрусь светлой луною, оденусь ясною зарёю...» или «Оденусь светлой зарёю, покроюсь облаками с частыми звёздами, опояшусь буйным ветром...», должен отчетливо осознать, что это не просто красочные иносказания, не просто песнь волхва-бояна. Здесь должно проявиться именно твое мироощущение, слияние души со всей полнотой родной земли и вселенской жизни. Ты уже не просто человек, для которого природа есть нечто внешнее. «Я со всем сущим! – кричит у тебя все внутри. – Я – сама жизнь!» Тебе становятся доступны самые тонкие и потаённые движения в природе, ты можешь слышать мысль дерева и внятно дыхание трав. А сказав: «Оболокусь я оболочком...», это значит, что ты проникаешь в мироощущение любого живого существа, облакаешься в духовную плоть. Облака – это облачение духов родов наших русских.

Теперь-то, по прошествии многих лет, Веретень знал, что заговор может быть и беззвучным. Если волхв доходит в своём служении добру до той степени, когда его благие сердечные

порывы сами по себе облакаются тонкой живительной плотью и для их осуществления уже не требуется ни произнесение тех или иных заповедных слов, ни соблюдение того или иного ритуала. Добрая воля, насыщающая особой священной мощью слова, творит чудеса. На этом основана действенность врачующих заговоров. Добрая воля жива и бессмертна. Голая же мысль, взятая сама по себе, бездуховна и бесплодна. Силой творить события, вызывать явления, исцелять друзей и укрощать врагов обладает лишь мысль, обуянная Доброй Волей.

Веретень в том его состоянии, в коем пребывал и сейчас, гордился тем, что он ученик волхва, что мудрый Людослав, составлявший для него семью, и род, и всю Вселенную на этом отрезке времени, выбрал в ученики именно его, а не пристроил по младости в одну из семей смердов. Волхвы почитались, прежде всего, как праведники, самые уважаемые люди, которым дозволялось безнаказанно говорить правду в глаза князьям и народу. Благодаря своей правдивости они имели преимущественное право выступать на народных вече. Но все это было в прошлом. С приходом на Русь христианских жрецов многое поменялось. Дед Людослав сетовал на то, что при распространении на Руси христианства на язычников в иных княжеских уделах начались гонения. Христианские пастыри охотно давали полезные житейские советы смердам, отпускали грехи, иногда врачевали больных. Но когда дело касалось судьбы человека, они говорили, что все в воле Господа! Поэтому религия, проповедующая христианские добродетели, во многом не удовлетворяла новообращенных славян. Например, желая погадать, что ждет их в будущем, или преследуя корыстные цели, они по старой привычке предпочитали обращаться к старому. Однако ничто не вечно в этом мире. Постепенно старые жрецы, обладавшие всей полнотой магических знаний, начали вымирать. Дед Людослав чувствовал, что скоро настанет и его час уйти в Ирий. К тому же новые духовные и светские власти стали нещадно карать носителей родной веры. Волхвы подвизались, как правило, в лесных дебрях и жили подобно волкам-одиночкам. Волхвы появлялись в городах всегда внезапно и неожиданно, и только по большой необходимости. Вот и сейчас старому Людославу пришлось сорваться с места и идти со своим учеником многие версты к большому погосту в княжестве Переяславском, стоявшем на границе с Диким полем.

Глаза слипались, тело вымотала дальняя дорога, а старику неймется. Когда только и спит? Словно сказку с поучением, на сон грядущий, Людослав тихо рассказывает ученику, при этом пеняя ему:

– Ох, не станет меня, останешься недоучкой. Как жить будешь? Ведь мало ты внемлешь силовым навыкам и занятиям, все на волховство ставишь, а так нельзя. В древнеславянском «Волховнике» любопытно описаны некоторые древнеславянские волхвы-воины. Часто нападали на наши древние капища воинственные кочевники-инородцы. Русичи приносили щедрые дары своим каменным статуям богов, и грабители знали, что там их ждёт много поживы, но капища стерегли безоружные воины-волхвы. И, несмотря на неравенство сил, только с киями, воины эти очень часто побеждали. Волхвам помогали их боги, без помощи высших сил такое воинское мастерство недоступно обычному смерду. Вот послушай, что мне в свое время Вели-мудр вешал. «Пришёл Межибор. И сказал Межибор: «Рука – молния, нога – гром, рука – меч, нога – молот. Неправде за правду – смерть!» И ударил Межибор печенежского князя в лицо, и закричал Межибор страшно, Перуна на помощь призывая. И ударил кулаком печенега под сердце. И упал мёртвый князь. «Не для рати это, но для чистого пути, по которому правда идёт», – сказал Межибор. И ударил кулаком по дубу. И зашатался дуб, и уронил листья с желудями. И закричал в лесу Див, и выбежал из леса тур. И упал в ноги Межибору. И с великим ужасом побежали печенеги, устрашённые силою Межиборовой». Как-то так. Э-э, да ты спишь! Ну, спи, отроче, твое время еще не пришло.

* * *

Погост Рящицкий давно уж перешел к прямому управлению наместника Переяславского стола. Канули в лету те времена, когда основанное северянским племенем городище было подвластно родовой власти. Погост, удаленный что от Киева, что от Чернигова на месяц пути, представлял собой феодальный организм, внедренный княжеской властью в гущу крестьянских сел, весей и вервей. Во времена правления на Руси князя Святослава Игоревича Рящицкий погост уже стал небольшим многолюдным, не только торговым, но и ремесленным городком на приграничье с Диким полем, а его процветание было связано в том числе и с торговлей в южном направлении. Всего в седмице по течению реки нес свои воды седой Днепр, и открывался путь к Константинополю, а в северном направлении река выводила к Западной Двине и Ловати, по ним в Варяжское море. При большой охоте купец всегда мог по речным дорогам добраться в Курск, Смоленск, Волжскую Булгарию, а там и на Восток к арабам. Но следует заметить, что в свое время погост был больше оторван от княжеского центра, больше предоставлен сам себе, чем становища на пути полюдья, а потому в силу этого да еще из-за постоянных набегов кочевников погост обзавелся своей крепостицей-острожком, со своим постоянным гарнизоном. Изначально в центре поселения находилось городище – укрепленная часть городка, рядом был расположены посад и курганы, в коих когда-то хоронили воинов. Теперь же Рящицы разрослись, появилось место гощения купцов – постоялый двор, рядом с ним большой базар, торговые ряды с лабазами. Пряталось все это за разросшимися вширь стенами главного поселения. Место пребывания князя и его подчиненных, выезжающих за данью, а в отсутствие оно, наместника, составляло детинец в самом центре острога. С наружной стороны стен погост обильно порос посадами. Ошую от главных ворот крепости, но в значительном отдалении, ближе к реке поднимались к небу маковки деревянной церкви, а при ней еще не успевшее как следует разрастись кладбище с тесаными крестами на могилах. По посадским жилищам можно было сразу догадаться, что о прошлом годе погост посещала очередная банда половцев, да, как видно, сходилась неудачно, только посад и пожгла.

Люди, живущие в погосте, слыли не только купцами, ремесленниками, смердами и слугами, но и воинами. Оторванность их от больших городов создавала необходимость заниматься сельским хозяйством, охотиться, ловить рыбу, разводить скот. Что касается скота и коней, то в погосте содержались в конюшнях и княжеские кони для транспортировки дани, и скот для прокорма приезжающих данников. Воск, мед, пушнина, жито, собранные для повоза, хранились в крепкой постройке за детинцом. Мясо, рыба, прочий харч – в глубоких погребах с ледниками. Фураж и зерно – в срубных клетях и на сеновалах. Все под неусыпным глазом княжеских людей.

Погост с его постройками, оборонительным тыном, примыкавшими к нему селами и пашнями, где вели свое хозяйство смерды, вольные людины и прислуга, поддерживающая порядок в погосте наравне с воями, представлял собой как бы микроскопическое полусамостоятельное государство, стоявшее в известной мере над крестьянскими мирами-вервями местного коренного населения. Когда-то каждый погост, каждый узел государственной сети был связан с соседними становищами, а все погосты в целом представляли собой живую связь столицы с отдаленными окраинами. Гонцы из стольных градов могли получать в каждом погосте свежих коней, чтобы быстро доехать до следующего погоста, иные вести передавались от погоста к погосту самими их жителями, лучше гонцов знающими дороги, местные топи и гати. Ежегодные набеги печенегов на южные рубежи государства сильно порушили эти связи, ослабили их. Даже количество смердов уменьшилось. Смерды – это не все крестьянское население, а определенная часть его, близко связанная с княжеским доменом, подчиненная непосредственно князю, в какой-то мере защищаемая им и обязанная нести определенные повинности в пользу

его. Смерды платили дань. Наиболее почетной их обязанностью была военная служба в княжеской коннице, ставившая смердов на одну ступень выше обыкновенных крестьян-общинников. Смерды пахали землю, проживали в селах, а приписаны были к погостам.

Погостный боярин Михайло Твердиславович проснулся рано. Мало того что поздно лег, так еще и спал погано. Не давало покоя боярину состояние души, с коим приехал два дни тому из Переяслава.

Ох, и попинала ему великая княгиня на его нерадивую службу в пограничье. Ругала, мол, не проявляет он бережения к доверенной ему вотчине. И тати по дорогам ватагами ходють! До чего дело дошло, что в самом Киеве про атамана Мизгиря каждый ведает, словно он князь какой. А что он сделает, ежели этого самого Мизгиря никто в лицо не видал. Кто видел, тот уж давно мертв. Ни старого, ни малого не пожалеет разбойник, изувер, висельник. Прости, Господи! Вот и по поводу веры попеняла княгиня Ольга. Баит, с языческими колдунами боярин борьбу не ведет. А столичные чернецы, греки, те и рады масла в огонь подлить, жалуются, что на церкву мало подают. Он что, силой заставит? Людишки обнищали, так в надежде на лучшую долю не токмо в церковь ходят молиться, еще и к родовым богам обращаются, к волхвам за советом бегают, здоровье у знахарок поправляют. Как быть, ежели он и сам в дороге спиной маялся? На жаре вспотел, а ветерком и проняло! Не к попу же бечь? У того ответ известен: «Смирись, Бог каждому за грехи воздаст!» Так что он терпеть будет? Ну и позвали по его приказу бабку Дарицу. Так вот беда! Как он ее, патлатый черт, только углядел? Господи, прости мя грешного! Не к добру нечистого вспомнил! Так вот углядел же. Пришел в своей длиннополой рясе с попреками. Теперь и спина болит, и бабку не ко времени прогнали, и чернец надулся, обиду затаил. Чего доброго накатает опять столичным воронам жалобу на него.

– Любава! – позвал ключницу, стоя в светлице. – Любава! Где ты носишь с ранья?

Жену и двух дочерей на выданье оставил в Переяславе, в приграничных областях неоткуда было женихам взяться, а так, может, чего и сладится. Его Добрава женщина с характером, дом и дворню держала железной рукой, без нее распустился народец, страх потерял.

– Любава!

По теремному коридору послышались легко узнаваемые, семенящие шажки старухи, и в комнату тенью впорхнула престарелая ключница.

– Здесь я, батюшко. Чего так рано поднялся?

– Квасу подай, да вели, чтоб Ингвара и Снежана позвали.

– На стол накрывать?

– Нет. Вернись, тогда и снестать буду.

Озабоченный состоянием дел в погосте, незримыми княжими наушниками, обидой на него священника Григория и еще всякими другими проблемами, про которые ранее даже не задумывался, боярин вместе с сотником погостной дружины и вирником пеше вышел из детинца в городище, по пути слегка кивая своей окладистой бородой встречным мужам, достойным его внимания. Направились напрямиком на рынок, к этому времени находившийся в самом зените торговли.

– Так что княгиня? – по дороге спросил скандинав.

– Недовольна службой, – сказал, скривившись от вопроса и боли в спине, Михайло Твердиславич. – Какой-то мой тайный недоброжелатель наговорил, что погостная дружина не восполнена, а те, кто только что взяты, воинских навыков не ведают, обратно таки, зброя и брони плохи, боевые кони – клячи, из-под плуга взятые. Десятники твои, Ингварь Скедьевич, ленивы непомерно.

– Навет это все, боярин! – возмутился сотник. – Занятия с молодеью ведутся. Лошади и зброя, тут да! Так ведь и то! Когда в остатний раз на се серебро давалось? А? А степняков мы сами отбили! Без всякой помощи княжей дружины!

– Дак, ведь два года уже прошло. На дорогах тати шалят, купцам ни пройти, ни проехать. Дозоры, разъезды ты по дорогам пускаешь?

– Ну...

– Пускает, боярин, – встрял в разговор Снежан. – Только они далее десятка верст от погостных сел не ездят.

– Во-от! – встав столбом, поднял вверх указательный перст княжеский наместник. Зато Мизгирь со своими татями не ленится. Сегодня глянем, каково на сей день воинство в Ряшицах. Не держу тебя сотник боле, выстроишь мне на показ все свое воинство после полудня.

– Тут ты прав, батюшка боярин, – Снежан после ухода сотника, придвинувшись, почти зашептал в ухо наместнику. – Ингварь со товарищи в пьянстве погрязли, своим идолам молятся, насмеваются над богом единым, молодежь обучают плохо. Давно пора приструнить.

Боярин сдвинул брови.

– Ты думаешь, на тебя нареканий нет? Есть. Окрестный люд давно мне жалуется на всю вашу шатию-братию. В грехах погрязли, мзду берете непомерную. Чего встал? На торг идем. Грешен и я, последний год распустил вас всех, отдал на откуп ваш урок, а оно вона как повернулось. Чую, сгонит княгиня с насиженного места!

– Избави бог, он не допустит того!

Почти у самого рынка, на подступах к базарной площади столкнулись с Глебом Вихоревичем, направлявшимся в сторону лабазов, купцом по местным меркам богатым и уважаемым, водившим в края чужедальние струг с товаром, имевшим лавки в городах стольных, но часто заезжавшим и в Ряшицы.

– Ба-а! Кого я вижу?! Михайло Твердиславич, а мне донесли, что ты у княгини в столице. Думал, не увижу ты в сей свой приезд в погост.

– Считаю, не обманули, два дни как из стольного града. Ты-то каким ветром до нас?

– Добрым. Правда пришлось крюк делать, ну да он того стоит. На то и фарт купецкий, чтоб оборотисто товаром распорядиться.

– Ты иди, Снежан, на торг. Догоню. – Михайло мотнул головой в сторону торговых рядов, а когда тот удалился, снова перевел свой взгляд на купца, спокойно ожидавшего собеседника, в палатах которого был частым гостем. – Откуда ныне, что повидал, что скажешь?

– Плавал в Беловежье, город ныне имеет крупное торговое значение. Ты бы видел, как Белая Вежа выросла в размерах, вокруг нее образовалось несколько посадов. Торговля отменная, товар стекается туда и с полуденных территорий Руси, с восхода и с земель полуночных.

– Да, сказать по правде, я его и ране-то не видал. Вот с твоих слов знаю, что есть такой. Кому он принадлежит?

– Ранее град был под Каганатом, но это давно, ныне же в Черниговском княжестве обретается и многого достиг, наравне с Тмутараканью. После Беловежья посетил новую факторию Тана, вокруг которой также появились славянские поселения. Это уже Приазовье. Вот там повезло, хороший товар взял, так в Тмутаракань и не пошел. Зачем?.. С товаром, да сразу на Русь.

– Ох, и ума у тебя палата! – восхитился оборотистостью купца боярин. – Чего хоть привез-то?

– Связки бус из Басры и Багдада, посуда, поясные наборы восточные и византийские. Керамика из Басры, восточная металлическая посуда, блюда, чаши. Много всякой всячины. Звиняй, боярин, недосуг мне, ежели разрешишь, зайду вечерком, там и обскажу все. Завтрева по летникам часть товара в Киев повезу.

– А что не по реке?

– Посуху отсель быстрее будет.

– Не боишься Мизгирия? Лютует.

– Ништо, проскочу, да и охрана у меня не малая.

– Ну-ну! Заходи вечером. Посидим, хмельного меда выпьем.

– Тогда до вечера.

Михайло еще какое-то время постоял, глядя в спину уходившего купца. Не был Глеб Вихоревич крепок телесно. Росточек так себе, средненький, и в плечах не косая сажень. Одежда на нем справная. Фарт имеется, это сразу в глаза бросается. Поди ж ты, сколь уж торгуешь, а с атаманом разбойников ни разу так и не повстречался на узких стежках-дорожках. Видно, заветное слово знает, вот и берегут его боги. Тьфу! Снова оговорился. Прости мя, Господи, за слабоумие и память короткую!

До уже совсем близких торговых рядов так и не дошел. Десятник Зван перехватил его у базарного входа. Выбросив руку перед собой с поклоном, вой молвил:

– Прости, боярин, за то, что отрываю от дел!

– Чего тебе?

– Сторожа у ворот остановила Людослава.

– Это колдуна, что ли?

– Его, волхва Велесова. Ты ж сам приказывал, чтоб ежели кто из них объявится, так руки скрутить и под замок.

– Ну и?..

– Руки мы ему сперва не крутили. Хотели просто не пущать. Так он в ворота прошел, пятерых твоих воев разбросал не задумавшись. Синяков да ссадин им наставил. Встал истуканом, баит, что к тебе пришел со словом вещим.

– Охо-хо! Воинов лучше обучать потребно было. Со стариком пятеро справиться не смогли. Срамота!

– Дак сам знаешь, Людослав когда-то и сам воем был.

Вот так и получается, что меж двух огней он. Приходится крутиться как в жерновах. А ежели чернец прознает? Да уж наверняка прознал. В погостах постоянно проживают княжеские мужи, стоящие у кормила правежа, сбора дани, творившие именем князя, закона русского, суд и расправу и взимавшие судебные пошлины. Как было бы просто все это делать по заветам предков, но нет, бог послал нам испытание в виде отцов церковных. Охо-хо! Вот и выходит: научись, верующий человек, быть благочестию свершителем, научись, по евангельскому слову, очам управлению, языка воздержанию, ума смирению, тела подчинению, гнева подавлению, иметь помыслы чистые, побуждая себя на добрые дела, господа ради. А ведь хотел сей день разнос устроить иным зарвавшимся. Как бы самому на месте удержаться. Княгиня скоро на расправу. Его, боярина, путь сложен, каждый шаг как по тонкому льду.

– Так что делать скажешь? – пробился через мысли голос десятника.

– Ладноть, веди Людослава до терема. Встречусь с ним. Да-а! И пошли кого за чернецом. Уже через короткое время наместник был у себя.

Давно воевода не виделся с волхвом. Постой, когда это было, дай бог памяти? Ну, точно, осьмнадцать годков тому. Тогда великий князь Игорь Старый его, молодого сотника детской гриди, послал объезд границ княжества с Диким полем вести. Интересно, что этому от него потребовалось, ведь его «нора» далеконько от погоста? Перед сидевшим в красном углу в светлице своего терема, под иконами с ликами святых, боярином, предстал старец в широком полотняном одеянии, с вышитым красными нитками орнаментом родовой вязи. На плечах у него вместо плаща – волохатая шкура медвежья, в руке – резной посох, изукрашенный дивно, по коему видно, что много дорог с ним пройдено. Волхв из-под полностью седых кустистых бровей, чуть наползавших на глаза, неодобрительно посмотрел на грубую иконопись с тлеющей лампадкой на медных цепочках над головой хозяина становища. Его костлявые руки вцепились в посох, превратив темную старческую пигментацию кожи в бледно-серый цвет. Взгляд старика уперся в глаза воеводе, и чудится тому, не в очи – в самую душу смотрит вещий, взглядом очей своих, древней мудростью, ее будто стрелой насквозь пронзая. За левым плечом ведов-

ского старца стоит отрок годов пятнадцати. И воевода, и старец молча изучали один другого, не торопились начинать разговор, тем паче, что воеводские ближники, рассевшись у стены, копируя, видно, думных бояр в княжеских палатах, словно воробьи, заметившие крошки, тихо зачирикали, делясь впечатлениями. Последний раз Велесовы волхвы посещали погост десяток лет тому назад. Помнится, ничего хорошего из их прихода не было. Чего от этого медведя-перестарка ожидать?

– Нишкни! – утихомирил свой кворум наместник и обратился к пришлому. – С чем пожаловал в погост, Людослав?

Волхв не успел ответить, как дверь за его спиной распахнулась и в помещение темной плямой ворвался худощавый пастырь овец божиих Ряшицкого погоста, отец Григорий. Его глаза встретились с глазами оглянувшегося на скрип двери и шум шагов волхва. Два непримиримых врага, два разнящихся взгляда на бытие и сознание встретились воочию. Волхв был стар и мудр, священник новой религии – начитан, молод и до фанатизма верил в свою правоту. Не терпел инакомыслящих в подвластной ему епархии.

– Просвети очи мои, Христе боже, давший мне свет твой дивный! Что я зрю в чертогах твоих, боярин? Али княгиня не отдавала приказа бороться со врагами рода человецево? – возопил священнослужитель, накручивая себя, готовясь, если придется, вступить в полемику, в драку, в силовой вариант захвата лесного колдуна, бродяги неприкаянного. – Вам, сидящим в этом зале, нужда большая есть, Псалтырь открыть, заглянуть в него. Там для всякого христианина прописан канон: «И кто не восхвалит тебя, Господи, и не верует всем сердцем и всей душой во имя отца и сына и святого духа, да будет проклят!» Забыли о том, кто за грехи ваши на Голгофу поднялся. Ирода принимаешь у себя, яко ближнего, подаешь ему милость свою. Покайся в грехах, пес старый, прими в сердце лучик веры в единого, и может, простится тебе в судный день!

Давно старый Людослав перестал обращать свое внимание на словесные нападки в свой адрес, но чернец явно хотел нарваться на конфликт. Он желал этого конфликта, купался в флюидах негатива, как лесной цветок купается в лучах солнца, упавших на него в просвет между деревьями. Распыляться на совсем ненужный ему спор с чернорясником он не стал, отворотил лицо к председательствующему воеводе.

– Боярин, уйми свово попа, бо вынудит, получит дерниной по бестолковке. Нет времени вести пустопорожний спор.

– Отец Григорий, – повысил голос воевода, – ты бы присел пока!

Батюшка, сверкнув глазами, сдулся словно воздушный шарик, присел у самой двери на оставшееся для него место на лавке.

– Так чего ты хочешь от нас, волхв?

– Знай же, боярин, что пришел я в погост, заветы предков выполняя, оберегать землю и люд, на ней живущий. По воле небесной, реку тебе, родных богов забывшему, что прострит Чернобог крыла свои над становищем сим, и не далее как через седмицу встанет время черное, смутное, когда призванные из Дикого поля Мизгирем на татьбу и дележ добычи печенег придут под стены крепости. Зло нареченное добром, а кривда – правдой, покажет лик оскаленный в стенах детинца. Если ты не сможешь выстоять, люд простой в рабы обращён будет, и поведут его караваном, яко скотину, на рынки востока и юга. Тогда немощь и уныние проявится в землях приграничных, и некому больше будет встать на защиту поруганной Правды. – Волхв оглядел боярских ближников, впавших в ступор от слов его, бледных как полотно, не могущих слова вымолвить. Обратился теперь именно к ним. – Как сие предотвратить, что сотворить еще возможно, в вещих сердцах своих ответ ищите!

Среди повисшего в светлице молчания вдруг раздался голос Григория. Чернец задал вопрос всем присутствующим:

– А не кажется ли вам, мужи, наделенные княжей волей, что сей колдун пришел к нам в городок сомнения в вере истинной сеять? Может, он сам надумал навести степняков на погост, прикрываясь именем Мизгиря? Боярин, разум мой подсказывает мне, что нужно сей же час схватить прихвостня Сатанаилова и вместе с его щенком в железа заковать! На княжий суд его!

Шум и гомон поднялся после слов чернеца, галдели так, что в дверь вломилась растревоженная охрана, сгрудившаяся у самого входа, не зная, что делать. Прошло время, прежде чем народ успокоился.

– Ну что скажешь на обвинение отца Григория? – спросил у волхва воевода. Было видно, как потемнело от предреченного знания его лицо. Не осталось и следа от заплывшего жирком, погрязшего в житейских хлопотах человека. Сквозь маску самодура, ленивого жизнелюба и сибарита проступал лик воина, оказавшегося на стезе, к которой готовили его сызмальства. – Что ответишь, волхв?

– Волхвы на Руси никогда не боялись владык. Ежели будет на то воля богов, я в глаза выскажу все, что думаю, князю. Я, воевода, донес до тебя вести. Ежели нужна от меня тебе помощь, попроси, помогу. Ну, а дальше сам думай, на то ты здесь и поставлен. Знай, Мизгирь на сей час в погосте находится.

– Сможешь его найти?

– Найду.

– Сотник Ингварь, сам будь при волхве. С воями своими обойдешь все городище, но чтоб добыл мне Мизгиря живым али мертвым! Идите. Да-а! Людослав, отрок твой у меня останется. Так и мне спокойней будет, и тебе не накладно.

Кивок наставника оповестил молчавшего все это время Веретения о согласии с решением наместника. Солнце еще не встало в зенит, когда горожане увидели процессию, следовавшую по погосту, чем-то напоминавшую картину того, как слепец ведет поводырем таких же незрячих людей, как и сам. Это Людослав, словно локатор, пытается среди сотен людей вычлениить и вычислить никогда им ранее не виданого Мизгиря, а два десятка воев следуют за ним по пятам.

* * *

Уезжать из погоста пришлось впопыхах. Это было скорее похоже на бегство, чем на обычный отъезд. Ну, будем надеяться, что никто не свяжет воедино все нити его сегодняшних деяний. И какая нужда привела в Ряшицы старого козла именно сегодня? Хорошо, нашлись добрые люди, вовремя оповестили о неотвратимости встречи, ежели ноги не унести. Люди эти прикормлены с руки и имеют добрый кусок пирога каждый месяц. Потому и на дорогах он полновластный хозяин, и знает все обо всех. Кто, с чем, куда и когда! Он богат, и власть его поистине сродни князю. Он вправе карать и миловать любого. Вот только миловать он не может и не хочет. Ощущать за плечами нечистого стало потребностью. Он знает, что тот спит и видит тот момент, когда он допустит непоправимую ошибку, и его душа окажется в лапах большачонка, вынужденного работать на хозяина, и ждать своего часа. Он чувствует, как тает его плоть от каждого выгаданного им форта. В дневные часы, когда остается один, без черта за плечами, его посещает тоска-кручина. Ведь мог бы вот как любой из купчишек добывать себе хлеб торговлей, плавать в чужедальние страны, жениться, завести детей, но все это отступало с приходом сумерек. Его рогатый может превращаться в черную кошку или черную собаку, свинью, змея, иногда в человека, соседствует рядом с ним, выполняя любую доступную прихоть, от полуночи до третьих петухов. Сколько ловушек они расставили людям, сколь много принесли слез и обычных неприятностей – теперь уж и не упомнишь. Как он устал! Наверное, назрела необходимость отдохнуть, расслабиться, развлечься перед большим делом. Через седмицу Бурчев приведет свой кош в условленное место, и тогда посмотрим, чья возьмет. А сейчас хоть глоток воздуха.

– Вторуша, вороти коня в лес. Скажешь ватажкам, хай собирают своих подельников, и через пять ден быть всем в погосте в личинах смердов, купцов, мастеровых. Коли что не так, я отдыхаю в гостинце. Там меня сыщут.

– Понял, Глеб Вихоревич, сделаю!

Один из спутников атамана, в честном миру – удачливого купца, потянул повод, воротя коня с летника на тропу, ожег круп животного плетью и растворился в тиши заповедной пуши. Мизгирь повел остальных подельничков за собой, лишь на миг отвлекся. Вдруг почудилось, что стоит у раскидистого дуба на самом краю поляны, на посох рогатый опершись, длиннобородый старец, в одежу из звериных шкур обряжен, смотрит на него. Помотал головой, пропало видение.

– Почудилось! – прошептали губы. – Заснули, подельнички! Галопом поше-ел!

3

*Граната, оказавшаяся в руках у обезьяны,
не означает того факта, что она не сможет
распорядиться ею правильно. Многие
блондинки тоже неплохо водят машину.*

А. Монзырев (жизненные умозаключения)

В дороге они вторую неделю. Сама дорога, уходя от деревни к деревне, начиналась с узкой тропы, летником погружалась в смешанный лес, пересекала речушки и змеилась вдоль болот. Песчаная почва южных территорий Руси и лес делала светлым, не было того бурелома, каковой бывает в лесах Подмосковья и Ленинградской области, какими их помнил Ищенко. На их пути не встретились заболоченные торфяные поляны с темными бездонными омутами, как на северных территориях России. Ночевали в попадавшихся в пути деревнях, один раз на постоялом дворе на перепутье дорог в глуши, а как же, везде люди живут. Пару раз пришлось коротать ночь на придорожных полянах, под шум ночного леса и потрескивание костра. Зато днем слух ласкал щебет птиц, погода им досталась отменная. Едешь неспешая по лесным просторам и радуешься летнему солнцу и небу, и тому, что ты просто есть на белом свете. Хорошо! Ощущения у Андрюхи были как в детстве: особых забот – нет, что ждет их впереди – неизвестно. Русь велика. Прикольно! Точно, как в детстве.

К вечеру узкая дорога соединилась с дорогой раза в три шире прежней. По ней обычно проходили торговые караваны, воинские дружины, по ней перегонялись табуны лошадей и гурты домашнего скота. Дорога, на которую выскочили кривичи, была проложена между Черниговом и Киевом. По такому широкому тракту кони понесли седоков ходко, а колеса телег голосно зашумели, заставив тарыхтеть короткий поезд на всю округу.

– Если бы не твой крик, верст через тридцать мы бы свернули на полночь, пересекли добрый кусок леса и попали бы на другой шлях, тот, что напрямик идет на Новгород, – не сбавляя ход своего коня, оповестил Судислав, как бы в чем-то пеняя своему сотнику. – А так, мы все через те же тридцать верст на полдень повернем. Я сии места добре знаю, не раз приходилось проходить по ним с дружиной северян.

Ищенко промолчал, не поняв, осуждает его в своем высказывании десятник или по обыкновению констатирует факт.

Галопом поскакали по извилистой, широкой дороге, с песчаным грунтом, утоптанном сотнями повозок. Справа и слева тянулся пейзаж густого леса, в котором пространство между деревьями заполнил колючий, высокий кустарник и лещина. Шорох песка под копытами глушил лошадиный топот. Возницы телег, едущих навстречу, издали заметив всадников, одетых в простую повседневную одежду, но видно, что оружных до зубов, принимали правее, выезжая на обочину, нашаривали, подвигая поближе к себе, топоры и мечи, с опаской наблюдали, как верховые проходят мимо, спешат по своим делам.

Выскочили к деревянному широкому и длинному мосту через Десну, а переправившись, версты через три, подъехали к перекрестку, где на обочине дороги, ведущей в смоленские земли, лежал огромный, с сединой от поросшего мха, камень, вещающий о дорогах и их направлениях – жига.

Роман потянул поводья, останавливая разгоряченного коня, огляделся. Вокруг перекрестка и дорог, уходящих с него, простиралась стена густого леса. Андрей завороченно вглядывался в камень, будто сошедший в эту реальность с картин Васнецова. Серый валун напо-

ловину врос в землю, бегут по камню древние чирь-резы, временем неумолимым истёртые, кои лишь волхвы-ведуны разумеют.

– Интересные камни на дорогах валяются, – промолвил Ищенко.

– Ну, вот от этого жиги нам воротить на восход Хорса, – промолвил десятник, поравнявшись с лошадьми бояр, указал рукой направление.

Свернув, пустили коней легкой рысцой.

– Эх, Андрей, только после смерти отца я понял, как мне его не хватает. Ты бы видел, как мы под Киевом охотились на всякого зверя, в своих родовых угодьях. В пущах лесных два тура метали меня рогами вместе с конем, олень бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал. Вепрь у меня на бедре меч оторвал, медведь у колена потник укусил, лютый зверь вскочил ко мне на бедра и коня со мною опрокинул, и бог сохранил меня невредимым. И с коня много падал, голову себе дважды разбивал, и руки и ноги свои повреждал – в юности своей повреждал, не дорожа жизнью своею, не щадя головы своей. Отец посмеивался, говорил, что крепкий род у нас. Он сам, на войне и на охотах, ночью и днем, в жару и в стужу, не давал себе покоя. Весь распорядок и в доме у себя тако же сам устанавливал. И у ловчих охотничий распорядок свой завел, и у конюхов. О соколах и о ястребах заботился. Бедного смерда и убогую вдовицу не давал в обиду сильным на своих землях. Вот каков был боярин Свенельд. Мы ведь род от варяжского корня ведем. Все в семействе воины. Теперь отца нет, я ушел из стольного града. Старшим в роду теперь мой средний брат считается. Род, конечно, не пресечется, только чую, моего семени в продолжении его не будет.

– Не кручинься, боярин, не все так плохо, ты еще молод, женишься, сына породить.

Они как раз миновали деревеньку и выехали к одинокому полю, возделанному у самого летника. По другую сторону от дороги раскинулся лес. Ищенко смолк, наблюдая необычную картину на недавно убранном куске земли. Женщина, одетая в полотняную рубаху и поневу, перекачивалась по обработанной земле и что-то бубнила в голос. Разобрать, о чем речь, было невозможно, далековато. Рядом с ней застыло все семейство.

– Спятила баба? – кивнул в сторону смердов Андрей.

Судислав хмыкнул в усы, привычно обыденно глянул на своего сотника, практически менторским тоном пояснил «недоумку»:

– После окончания жатвы хлеба в этих местах хозяйка дома выходит на поле и катается по последней полосе. Меж тем еще и заветные слова кажет: «Нива, нива, отдай мою силу». Людины считают, что земля отдает женке потраченные во время жатвы силы. На поле оставляют несжатым пучок колосьев, смерды его называют пожиальной бородой и предназначают богу.

Поле осталось позади, а летник углубился в лесной массив. Солнце зашло за кроны деревьев, раскинув полутень на все живое вокруг. Пора было искать пристанище на ночь, но возвращаться к оставленной позади деревеньке не хотелось, да и прошли они от нее уже верст пять.

– Чего пригорюнился, Андрей?

– Скоро ночь, не слишком хочется коротать ее по-походному.

– А и не придется. На расстоянии стрелища гостиный двор будет.

– Это в такой-то глухомани?

– Сам ты глухомань! Ты не смотри на то, что дорога узкая, по ней часто купцы к пограничным городкам да погостам товар свой возят, оттого и место для постоя не пустует. Иной раз они в таких местах товаром меняются, могут в нем его за монету сбыть, перекупить, перепродать. По-другому такие дворы корчмой называют, проезжий и прохожий народ сходится на огонек для питья и еды, для бесед и попоек с песнями и музыкой. Хочешь, будешь пить квас, захочешь – пиво или мед хмельной. Ранее в корчмах в кости фарт свой спытать можно

было, нонича из византийских краев новую игру привезли, карты на дорогой лощеной бумаге, о четырех мастях, хиновской цифирью помечены, с ликами цесарей, воев и венценосных женок.

Прилепившийся к дороге гостиничный комплекс, если таковым можно было назвать деревянные постройки с воротами и широким двором за ними, произвел на Ищенко удручающее впечатление. Почерневшие от времени, ветра и дождя бревна, очищенные от коры, слегка отесаны. Посредине подворья выложен из бревнышек колодец. У частокола выставлены телеги и повозки постояльцев заведения, лошади под навесами и в конюшнях. По двору шатается уйма народу, судя по всему, у хозяев аншлаг, явно не бедствуют. Прислуга мечется как угорелая, пытается успеть выполнить все пожелания приезжих. Откуда-то с заднего двора до ушей доносится характерный шум, режут скотину к кухонному столу. С ним перекликаются заунывные мелодии текстов песен современной попсы из открытых окон среднего дома. Песни поются на русском языке, но лучше бы певцы молчали, Андрей сразу уловил дичайшую несогласованность в пении артистов. Если коту наступить на хвост, орал бы он не в пример выразительней. Косой взгляд, брошенный в сторону Романа, дал полный расклад на происходящее. Киевлянин воспринимал все как должное. Ну, что ж, знать, так и надо!

– Вы у нас заночуете, гости дорогие? – задал вопрос один из двоих молодых парней, входивших в число обслуживающего персонала заведения, выбежавших к приехавшим. – На постой всех не разместим. Сами видите...

Абориген повел рукой по округе.

– Имеется хорошая комната на двоих, чистое белье сейчас постелим. Баня топлена. Лошадей почистим, напоим и поставим в конюшню. Все в лучшем виде сделаем. Только воям вашим придется... – Мужик снова замялся. Нашелся Судислав:

– Мы тут недалеко разместимся. Не привыкать. Место я знаю, бывал здесь. Только бы в баньке помыться.

– Помоем и плату за помывку не возьмем, – заверил работник гостиничного бизнеса. – К заходу солнца подъезжайте. Харчи на два десятка людей тож к сему времени поспеют.

– Вот и добре!

Ищенко кивнул десятнику.

Сняв с лошадей нехитрую поклажу, Андрей с Романом сами занесли ее в предоставленные апартаменты. Комната небольшая на одно окно. У стен две лавки с тюфяками, набитыми соломой. Скорая на работу женка при них постелила чистое белье, на лету поймав мелкую монетку, так же споро ретировалась прочь.

– Ну как? – спросил Роман.

– Сойдет, – односложно ответил кривич.

– Тогда поторопимся, пока на дворе еще нет кромешной темени, нужно помыться.

– Рухлядь нашу не тиснут из комнаты?

– Нет. Видел в коридоре челядина хозяйского? Он нас, считай, принял, проследит за дверью. Никто чужой сюда не войдет.

Через час, распаренные и намытые, они сидели в трапезной. Испорченному цивилизацией Андрюхе место приема пищи и развлечений показалось похожим на самую затрапезную столовку времен девяносто первого – девяносто третьего годов двадцатого столетия. Антисанитария полнейшая! Шум, гам подвыпивших мужиков, сидевших за столами, составлявшими компании по интересам. Но судя по поведению Романа, его придорожная забегаловка вполне устроила. С кухни, да и в самом помещении гостевой комнаты, вкусно пахло снедью. Скромно, не привлекая к себе особого внимания, расположились в одном из углов помещения, за маленьким столом как раз на двоих, при всем, при том внимательно оглядев кворум. Молодой парень принял у них заказ, а вскоре оба путешественника своими ложками навораживали наваристые щи, а на столе в деревянных больших тарелках материализовались и жареная тушка гуся, и запеченная речная рыба, зелень и овощи, горшок с парующей ароматом кашей. По мере насы-

щения Роман выказывал все больший интерес к происходящему за соседними столами. Там шла азартная игра, слышались негромкие возгласы распаленной толпы. Косые, алчные взгляды играющей братии блуждали по всему пространству залы, тормозили на удачливых игроках, на скобленных добела столах. Люди отдыхали.

Роман здоровой рукой потрогал кошель на своем поясе. Ищенко совсем не понравился азартный блеск в глазах напарника. Таких глаз он видел много еще в своей прошлой жизни. Было время, когда безденежье в армии заставило искать подработку на гражданке. Ему с его сослуживцами удалось устроиться вышибалами в ночной клуб на окраине Москвы, в одном из спальных районов. Клуб под не очень понятным для обывателя названием «Узурпатор» тогда с распростертыми руками принял их в свои объятия. Работать пришлось в команде с уволенными со службы ментами, спортсменами и действующими военными. Нормальные люди, пришедшие на работу в охрану той ночной клоаки, могли продержаться там не больше двух смен. Пьянь несусветная, нарки, проститутки, молодые ретивые даги, местечковые урки крышующей заведение группировки, работники рынка – вот неполный список еженощного контингента. Добавить ко всему вышеперечисленному «культурную» программу, душераздирающую музыку на полную катушку децибел, стычки, драки, часто кровь и потасовки, сауну в левом крыле «малины» и игровые автоматы в отдельном зальчике, и впечатление, что ты попал в дурдом, становится полным. Вот там-то Андрей и насмотрелся на то, как люди проигрывались вдрызг, можно сказать, «до нательных крестов». Вот такие глаза, как у Романа сейчас, были и у них.

«Оп-па! Неужели встряли!» – мелькнула мысль в сознании лейтенанта.

– Да-а! Давненько я не бывал в таких местах. Пожалуй, тряхну стариной!

– Так это...

– Ты, Андрей, иди, отдыхай, с дороги-то устал. Да и не стоит оно того, чтоб привыкать, меня отучать поздно.

Кривич с сомнением посмотрел на весь этот бедлам. Взрослые люди, иные из них купцы, воины, деловые. Ну, да не ему их судить. Как говорится, в чужой монастырь со своим уставом ходить западло! Поднялся по лестнице на галерею второго этажа, прошел к снятой комнатухе. В комнате стоял запах леса, тянуло грибной прелью, одновременно к этому примешивалась зелень трав и что-то ягодное. Хорошо, однако, никакой гари двадцать первого века! А лес-то вон он за окном, правда, его сейчас не увидеть – темно. Сняв сапоги, распустив сбрую с мечом и ножом, отложил к изголовью, как был в одежде, повалился на чистую кровать, втянул в нос запах свежего сена в подушке. Благодать! Всем телом, до хруста потянулся, лежа на лавке. Свечу задувать не стал, прикрыл глаза в надежде скорого сна.

– Не рановато ли спать собрался, витязь?

Скрипучий голос с соседней лавки заставил Ищенко вскочить на ноги, оказавшись перед незванным гостем. На Романовой лавке спокойно восседал козлобородый мужик, весь вид которого был потешным, если бы Андрей не разглядел его взгляд. Из-под густых, кустистых бровей, в свете мерцавшей свечи, на Ищенко смотрели глаза с разноцветными зрачками. Левая сторона меховой потрепанной временем одежды запахнута на правую, порты засунуты в сапоги, шапка надвинута на непокорные лохмы – задом наперед. Однако на простого ворюгу не похож, и дух лесной именно от него исходит. Конечно, веет от него чем-то сродни враждебности, только вряд ли по отношению именно к нему, он бы почувствовал это.

– Вечер добрый, добрый человеche! Никак дверью ошибся? – поздоровавшись, спросил гостя Андрей.

– Хм! Да нет, зашел куда хотел.

– Стой-стой! Уж не лешим ли этих мест ты будешь?

– Ну?

– Ха-ха-ха! Вот так встреча. С твоим собратом я в дружбе.

- Да-а! И как тебя угораздило в сие гиблое место попасть?
- Обстоятельства. Эту корчму мимо проезжали, вот и решили заночевать.
- Плохо.

Из-за двери послышались быстрые шаги, Ищенко по звукам узнал Романа. Дверь распахнулась, и на пороге застыл киевлянин. Мельком окинул комнату, стоявшего на ногах Андрея, недовольно спросил:

- Ты чего не спишь?
- Так не хочется еще. Уже наигрался?

Роман плечом подвинул его в сторону. Прошел в помещение, нагнувшись, вытащил из-под своей лавки переметную сумку из выделанной кожи. Потянув за шнур, распустил горловину на мешке.

– Ты не поверишь, вот чую, что фарт мой, а кошель серебра спустил в один присест. Ништо, сейчас отыграюсь.

- Во что хоть народ играет?
- В разное. На трех столах в «зернь» кости мечут, за одним играют в карты. Ну, я пошел.

Роман, сунув за широкий пояс объемистый кошель, отведя взгляд от Андрея, выскочил в коридор, громко хлопнув за собой дверь.

Ищенко сразу и не понял, как напарник не смог разглядеть лешего. Сам прошелся взглядом по пространству комнаты, с трудом увидел хозяина леса у самой стены. Нежданный гость стал величиной с наперсток, не больше. Скошенный в улыбке рот и прищур глаз говорили о том, что произведенным на человека эффектом мимикрии он сам остался очень доволен. От увиденного челюсть отвисла, Андрей сморгнул и чуть ли не отшатнулся. Леший сидел перед ним в свой обычный размер, только улыбка исчезла с его лица.

– В поганом месте вы на ночь глядя оказались. Сейчас твоего попутчика обдерут как липку, аще решат, что у вас за душой серебро, попытаются отнять. В этих стенах фарт имеется только у хозяина сего гостинца и боле ни у кого.

– Шельмуют?

– И не только! – решив показать, насколько все серьезно, леший поднял вверх перед собой указательный палец. – На тебе охранная метка мово родича имеется, когда увидел в дороге, думал перенять вас, потом решил, что переночуете по-походному. Ан нет, твой напарник про сие пристанище знал. Я сюда чудом никем не замеченным проскочил. Гляжу, на тебя кто-то из сильных духовиц обережный круг наложил, тебя и не торкнуло черное колдовство, зато друг твой и так к игре слабость имеет, а тут еще черный наговор сего места, как капкан, сработал.

– Да ты толком объясни! По мне, так здесь обычный игровой шалман обосновался, лохов разводят.

– Какой там... Сейчас на приграничных дорогах хозяйничает ватага татей, а атаманом у них Мизгирь. Слыхал о таком?

– Нет. Откуда?

– Свою кличку сей смертный оправдывает. Паук-волк, он здесь и есть паук. Да если б только это! С византийскими чернецами хлынули на Русь полчища нечисти, заметь, это тебе не нашенская нежить, к коей отношусь и я. Тут дела похлеще завернулись! Душа Мизгирия черным черна, продана за мнимый фарт ихнему дьяволу. Первый помощник атамана, Чекан, он тоже сейчас внизу кости бросает, шептун сильный, не всякий волох с ним сладит. Оба, и атаман, и его наперсник, под купцов рядятся. Ежели тебе сила дадена, а духовица смогла глаза раскрыть, сможешь увидеть, кто стоит за спиной атамана, угадаешь его меж другими. Чтобы увидеть черта, посмотри на худого купца через рукав рубахи. Словом скажешь: «Черт, черт, покажи хвост!» Иди, уводи свово товарища от столов, пока не проиграл все монеты.

– Слушай, а чем же отличается черт от других персонажей сей реальности?

– Не ко времени вопросы задаешь! Ну, уж коль задал... Во-первых, он всегда делает только зло, он вообще не способен помочь смертному. Возьми хоть меня, я могу завести человека в чащу, но я же, ежели знать, как себя повести, и ягод помогу набрать, дорогу домой укажу. Водяной, тот, несмотря на все его коварство, может нагнать рыбы в сети рыбаков или помочь мельнику за мельницей следить. Уж на что банник сам по себе натура злобная, если его вежливо попросишь, разрешит в бане переночевать, еще и от других банников оборонит. У черта же задача одна – как можно скорей сгубить людина, встреченного на пути, довести его до смерти и завладеть душой. Чтобы достичь сего, он способен на любую хитрость, на любой обман и притворство. Черт – абсолютное зло. Во-вторых, тебе бы, друг ситный, поторопиться!

За самым большим столом, в толпе играющих в кости, выделялась тонкая фигура бородатого совсем не крепкого мужика, обладавшего в манере поведения какой-то утонченностью, свойственной натурам аристократичным или артистичным, одетого в кафтан, похожего на купца средней руки. Он, улыбаясь, верховодил в кругу игроков, отпускал шутки, подсмеивался, собирая игральные кости в стакан, выбрасывал их на столешницу. Ищенко мимоходом, как объяснял лешак, глянул ему за спину, туда, где виднелся оконный проем, от увиденного чуть не споткнулся. На подоконнике сидело антропоморфное, небольших размеров существо, покрытое черной шерстью, с рогами, хвостом и копытами. Лукавый, забросив ногу на ногу, раскачивал верхней конечностью. Глядя из-за спины реципиента за происходящим за столом, он лениво морщил нос, больше похожий на свиное рыльце. Скучно было нечистому! Скучно и предсказуемо. Помимо воли хозяина хвост рогатого отбивал такт музыкального сопровождения песенников.

Андрей заглянул за плечо Роману. На столе перед попутчиком лежал рассупоненный кошель с деньгами, явно похудевший с того часу, каким он был по-первых. Роман почувствовал присутствие товарища за спиной, недовольно повел плечами. Его очередь метать кости. Одной рукой стаканом зачерпнул кубики со стола. Размешивая их под нетерпеливый гул собравшихся, высыпал на скобленную древесину столешницы. «Зерьнь» рассыпалась по столу.

– Го-о-о! – разнесся над столом выкрик подогретой алкоголем и азартом толпы. Выпали «голь» – один-один. Роман скривился от неудачи. Ход перешел к соседу. Снова бросок, и снова выкрик толпы:

– Го-о-о!

Чуть лучше. «Петух» – два-три. Следующий претендент на победу выбросил «чикву» – два-два. Ход дошел до Мизгирия. Бросок.

– В-ва-а-а!

Толпа рвет голосовые связки. Вот это да-а! «Полняк» – шесть-шесть!

Андрей приник к уху напарника. Зашептал:

– Роман, завязывай, сейчас все деньги спустишь.

– Отстань! Чувствую со следующим броском придет фарт.

Что на такое скажешь? Пора валить из-за стола. Ох, как пора! Совсем незаметно ткнул указательным пальцем в узел нервных окончаний у самой шеи Романа. Чуть отступил, вроде бы как он ни при чем. Соседи по столу подметили, как поплохело калечному. Видно, расстроился с проигрыша. Вон как тяжело дышит, и глаза кровью налились. Не помер бы только! Возись с ним, от игры отрывайся. Ищенко в свою очередь заметил, как никем кроме него невидимый черт сам сунул рыло к уху Мизгирия, зашептал чего-то в него. Увидел и то, как округлились глаза бандита.

– Человеку плохо! – объявил всем Андрей. – Сей миг я его до лавки дотащу, отлежится, оклемается.

Взвалив неподвижное, обмякшее тело на плечо, тем не менее, не забыв сграбастать кошель со стола, освободив игровое место, понес товарища в номер, ощущая на своей спине тяжелый взгляд.

– Фух! Вроде костистый, а тяжелый!

Сбросил Романа на лавку.

– Уходить вам отседова потребно! – констатировал ситуацию леший. – Не оставлю вас в покое. Как пить дать наведаются в гости.

– Уходить? Как тут уйдешь? Лошадей не бросим. Мимо не просочимся. Разве что через окно?

– Не знаю. Но и мне пора линять. Тяжек мне дух сего гиблого места. Вот, кажись, и лес в двух шагах, а терпежу быть тут, почитай, и не осталось. Твой товарищ когда в себя придет-то?

– А сейчас и придет. Леха, ты уходил бы, чтоб Рому не смущать, он к таким вывертам положений не сильно приучен.

– И то верно. А вы как же?

– Как-нибудь управимся, при помощи «палки и какой-то матери».

– Ха-ха! Эх, нравись ты мне, Андрюха. Лихой парень!

– Так я и есть лихой.

– Ну, тогда удачи тебе, лихой!

– Увидимся!

Леший на глазах уменьшился в размерах, соскользнул с лавки на пол и, протиснувшись в щель, исчез. Ищенко, повернув Романа на живот, ткнул пальцем в известную точку на теле товарища. Прошла минута, не меньше.

– В-ву-у-а! – воплем выразил боль напарник. – Что это было со мной?

Не особо вдаваясь в лишние подробности, опутив участие лешего в деле, Андрей рассказал о некоторых событиях начала ночи. Предъявил опешившему Роману его частично оприходованный кошелек.

– Что, правда, черта своими глазами видел?

– Вот, как тебя сейчас. Что делать будем?

– Не знаю. Я ведь толком ничего и не помню, все как в пелене.

Молча посидели на лавках друг напротив друга, при свете свечи полупали глазами, еще не решаясь озвучить мысли. Роман хлопнул ладонью по своему колену.

– Так! Уходить нам никак нельзя, значит, остаемся. Черт, говоришь?

– Угу.

– Тогда нужно продержаться до крика третьих петухов.

Ищенко подвинул свою лавку к двери, на нее взгромоздили вторую лавку. Оба надели брони. Расположились ждать.

Затянувшаяся тишина в комнате в течение сравнительно короткого времени перешла в тишину за ее пределами. Затихли музыканты внизу, угомонились приезжие гости. Вместе с тишиной за стенами гостинца нарастало напряжение душевное и телесное. Какой там сон?! Андрей впервые в жизни столкнулся с таким врагом. Это тебе не бородатый моджахед и не забитый жизнью и жаждавший поживы пастух из горского тейпа, не обдолбанный латинос и даже не янки, здесь что-то покруче будет, и ставка повыше. На кон выставлялась не только жизнь, но и душа. По всем прикидкам на дворе около трех часов ночи. Зубы непроизвольно отбивали бравурный марш, правда, не понять, какой именно. Та-ак, что нам, продвинутым кабанам, известно о чёрте? Ну, креста не выносит, еще молитвы, ага, от святой воды совсем не тащится, она для него вроде кислоты будет. Но это все инфа из фильмов, да и та из-за бугра. Ясно дело, амеры могут придумать такую лабуду, что в натуре не расхлебаться! Тупой народец, ожиревшая нация.

– Роман!

– Чего тебе? – сжав в ладони рукоять клинка, отвлекшись от двери, спросил напарник.

– У тебя в сумке случаем святой воды не припасено?

– Откуда?! – округлившись от удивления глаза метнули неприязненный взгляд.

– Ну, да. Прости дурака, погорячился с вопросом.

Что там еще не любит нечистая сила? Где-то то ли слышал, то ли читал, чтобы унять нечистого, ему нужно накинуть на шею либо крест, либо недоуздок. С крестом напряг, из Андрюхи и в прежние-то времена, еще в прошлой жизни, всегда был плохой почитатель Иисуса. Только то, что в детстве бабка покрестила, вот и вся вера. Забыл, когда и в церковь заходил. Недоуздка ваще нет, он же не конюх какой! По коридору протопали шаги людей. Судя по шуму, человек восемь. С их приближением к шуму шагов добавилось сопение. Сочный, совсем не старый голос, по интонациям привыкший отдавать распоряжения, сказал:

– Открыл бы нам дверь, боярин, нам с тобой непонятку утрясти нужно.

– Какую такую непонятку? Ночь на дворе. Утром разберем все непонятки, – сонным голосом откликнулся Ищенко.

– Ты калечного от игры увел, он мне должен!

Андрей вовремя прикрыл рот Роману, готовому ввязаться в пока еще словесный спор.

– Калека без памяти лежит. Утром приходи, может, к утру ему полегчает.

– Значит, открывать дверь не желаешь?!

Кривич промолчал.

– Не откроешь, так я к тебе своего большачонка подошлю. Он мне откроет.

За дверью раздался гогот подвыпивших мужиков, явно чувствовавших себя в этом заведении хозяевами. Крепкий удар в дверь с той стороны сбил с притолоки скопившуюся пыль. Мысли выскочили из головы. Вдруг увидел, как через калитку, через щелястую древесину на ней, как через воздух, рука просовывается к засову на двери. Что за...! Рука волосатая, когтистая, чуть на обезьянью лапу похожа. Радуется, что рука, а не лапища! Роман ее тоже, естественно, углядел, может и испугался, да только пока еще слишком короток был век христианства на Руси, служилый народ не боязлив. Хлестнул крест-накрест мечом по просунутой конечности, повышая голос до командного гласа, продекламировал неизвестную Андрюхе молитву:

– Избави мя, Господи, от обольщения богомерзкого и злохитрого антихриста, близгрядущего, и укрой меня от сетей его в сокровенной пустыне Твоего спасения. Дажь ми, Господи, крепость и мужество твердаго исповедания имени Твоего святого, да не отступлю страха ради дьявольского, да не отрекусь от Тебя, Спасителя и Искупителя моего, от Святой Твоей Церкви. Но даждь мне, Господи, день и ночь плачь и слезы о грехах моих, и пощади мя, Господи, в час Страшного Суда Твоего. Аминь!

Подействовало! Да так подействовало, что от визга и крика пары голосов за дверью зубы свело, видно, паршивый децибелный ряд подобрал нечистый.

– У-ва-а! За все посчитаюсь с тобой, боярин!

– Ты сначала достань меня, Мизгирь!

– Признал? Призна-ал! Вышибай дверь!

Сильные удары обрушились на дверное полотно. Что-то заставило Ищенко обернуться. В открытый оконный проем при свете круглой луны лез до боли знакомый силуэт, и горбылевский голос возвестил:

– Фу-ух! Еле разыскал тебя, бродяга!

– Сашка, ты? – удивился Андрей.

– Кто ж еще? Помоги!

Ищенко метнулся к окну, ухватил протянутую руку, впопыхах слишком резко дернул на себя, заставив не ожидавшего такой прыти Горбыля усиленно перебирать нижними конечностями через подоконник. Е-е-о! Вместо обычных ступней на глаза Андрею попались свиные копыта внизу Сашкиных порток. Действия в экстремальной ситуации, как натаскивают в спецназе ГРУ, опередили мысли. В лоб еще не успевшего разогнуться Горбыля впечаталась плюха

от всей души. Да так славно впечаталась, что тело совершило обратный кульбит, вмазалось хребтиной в нижнюю планку подрамника на окне, а копыта на миг зависли выше головы.

– Мля-я-а! – со стуком верхнего ряда зубов с нижним вырвалось из пасти «чудовища».

Сашкин лысый калган материализовался в свинячье рыло с короткими рожками на лбу черепа. А вот и хвостяра! Андрей, не раздумывая, ухватил рукой почти безволосую веревку, с коровьей кисточкой на конце, росшую из чертячей жопы, крутанув, наматывая на руку, дернул к себе. Видно, черти боятся не только святой воды! Нечистый оклемался явно быстрее обычного человека, попытался выскочить в проем окна. Не тут-то было, Ищенко тащил его на себя, упираясь, как мог. Клешни и копыта черта одно время буксовали на месте, создавая шум скачки как при озвучке кадров на киностудии. Силы у такого бегемота было до хренища. Андрей понял, не удержит! Секунда и клинок в руке. Взмах, и черт, перескочив подоконник, растворился в ночи. В сжатом кулаке остался лишь хвост беса. А за спиной Андрея уже шла настоящая потасовка. Ватага, раздолбив дверь, лезла через нагромождение лавок в комнату, где, считай, одорукий Роман уже успел приголубить двоих мечом по темечкам, развалив черепушки и разбрызгав мозги и кровушку на пол и матрасы. Толпа напирала, спасала лишь узость прохода.

– Ку-ка-ре-ку! – донесся со двора крик разбуженного петуха.

Ищенко, отбросив ненужный сейчас предмет чертовой плоти, сунулся на подмогу напарнику. Он не стал переть буром, скользнул по стеночке к углу, а уже оттуда провертел мечом дырки в паре беспредельных мужиков. Шум, стоны, крики слышались, казалось, везде. Прилепившегося к стене Андрея неожиданно обхватила рука нечистого, просунувшаяся через древесину стены. Сдавила, выдавив воздух из легких. Ничего себе силища! И Романа на помощь не позовешь, некогда ему. Напрягся.

– Гы-ыть!

Попытался освободиться или хотя бы ослабить захват.

– Ку-ка-ре-ку-у!

Хватка действительно ослабла, но рука не убралась.

– Гы-ыть!

Поднапрягшись, из последних сил он протащил через стену всего черта. Блин, мохнатый! И из рыла прет отвратно! А само рыло у самой щеки, захотел бы, мог и ухо зубами оттяпать, с него станется. У-у, зараза адская! На тебе по печени! Дышать стало совсем невозможно. Точно задушит, свин рогатый!

– Ку-ка-ре-ку-у!

Черт отпрянул от Андрея, огненным комком осветив комнату, ушел в пол. Пламя огня заструилось по древесине, в первую очередь набросилось на просыпанную солому и сено матрасов. Кругом стало светло. Снаружи донеслось:

– Го-орим! Пожа-ар!

Это проснувшиеся от шума постояльцы, оставленные мороком чертячего колдовства, наконец-то пришли в себя.

Роман, метнувшись к хрипевшему Андрею, подтащил его к окну.

– Лезь наружу, если жизнью дорожишь!

Ищенко потом с трудом мог вспомнить, как оказался на подворье. Как это здорово встретить рассвет и дышать свежим воздухом полной грудью. Он сидел на потоптанной траве, ошалело мотал головой, приходя в себя, наблюдая, как неподалеку мечутся люди, перетаскивая к повозкам какое-то имущество. Рядом с ним стоял Роман, держал в поводу их лошадей, под ногами которых валялось спасенное барахло и оружие. Гостинец догорал. Скоро совсем не станет гнилого гнезда разбойничков. Огонь очистит все. Ночь прошла. А вот и кавалерия подошла, и как всегда вовремя.

В ворота горевшего гостиного двора верхами заскакивали бойцы Ищенко.

4

Когда жмут сапоги, в голову приходят умные мысли.
Вывод прапорщика

Нет ничего глупее, чем попасть из огня да в полымя. Но они попали. И случилось это до обидного обыденно. Сначала поддавшись стадному чувству, пристроились к тележному поезду купцов, таких же погорельцев, как сами, наяривавших лошадей, спешащих как можно скорей и дальше оставить за спиной сгоревший дотла придорожный шалман. Потом, то ли от невнимательности, то ли по злему року судьбы, прощелкали развилку летника, пошли вместе со всеми по более наезженному тракту. Только оказались они не там, куда стремились попасть. Сутки езды, можно сказать, гонки по местности, имеющей плохую дорожную славу, в компании людей, ежеминутно ожидающих нападения татей, и они, вымотанные и выжатые телесно, очутились в затерянном большом городище на окраине Руси.

Рящицы встретили повсеместной суетой и волнением. Муравейник, да и только! Наверняка лишь глухой и слепой не знал, что в любой час на погост могут обрушиться печенеги. Все ведали и то, что воевода, отправив гонца в Переяславль, не скоро ожидает помощи от княгини. Помощь не могла прийти в такие короткие сроки, в лучшем случае она прибудет к шапочному разбору. Жители близлежащих сел и весей укрылись за стенами погоста. Набились в него как огурцы в бочонок. Теперь признать, кто свой, а кто из дальней деревни, стало затруднительно. Иные отдаленные деревеньки так те и вовсе не светились, их жители по старинке попрятались в лес. Авось пронесет нелегкая!

Вот-вот наступит темнота, а хлопоты местного населения не прекратились. Посад почти опустел, хозяева побросали избы, прикопали кое-какой скарб, и сейчас последние из них выдвигались к вот-вот закроящимся воротам. Роману не хотелось впихиваться в тесные стены детинца. Кто их там ждет? Там сейчас своих хватает. Ищенко, в силу монзыревского наказа, хотелось бы расспросить кого поподробней о сложившейся ситуации.

Что делать им, чужакам для этих мест, людям, не представлявшим полноты обстановки? Можно тупо забиться за стены крепости, слинять куда подальше от самого погоста, спрятаться в лесу. Что выбрать кривичам, носящим на поясах мечи?

– Судислав!

– Я, сотник.

– Давай-ка парней за стены веди, устраивай ночевку и всем отдыхать. Я по округе прошвырнусь, погляжу, что и как. Не нравится мне вся эта суета.

– Понял, батька. С тобой Первака и Лиса отряжу.

– Не нужно, прогуляюсь без сопровождения.

Десятник недовольно покачал головой, но перечить не стал, знал норы начальника.

– Я с тобой, – всунулся в разговор Роман.

В раздумье, не сговариваясь, как кто пошептал на дорогу, направили лошадей по посадской улице, пытаясь в темени разобраться, что собой представляет сей конец.

– Вон, смотри у околицы, у самого леса оконце в избенке вроде как светится, – указал пальцем Андрей.

– Знать бы, чего это хозяин остался?

Хозяина не было. Была хозяйка. Обычная женщина, с тяжелым, неприветливым взглядом. Ее глаза едва виднелись из-под опухших покрасневших век. Умаялась бедолага! Встретила нежданных гостей на своем подворье, у порога избы, по вечернему времени кутаясь в платок, больше похожий на давно не стираный кусок полотна. Костлявые руки ее, казалось, постоянно находились в движении. Хоть опрятностью одежда на ней и не отличалась, но выби-

рать уже было не из кого. Хотелось выспросить обстановку у лица, ни в чем не заинтересованного, есть и спать.

– Что привело двух молодцев к порогу бедного дома? – окинув обоих любопытным взглядом, при этом умудрившись ни одному не заглянуть в глаза, спросила хозяйка.

– Нам бы на постой до утра встать. Дорога вымотала, – ответил Роман.

– Так ведь весь посад пустует, выбирай любую избу. Иди в любой конец, вряд ли живую душу найдешь.

– В котомках пусто. Привечай, хозяйюшка. На баню мы не рассчитываем, но за постой и кормежку заплатим звонкой монетой.

– Ну, что с вами поделаешь? На одну ночку пушу... – Андрею указала рукой на строение у дальней стены забора. – Лошадей вон туда поставь. Корму задашь, его там же найдешь. Воды им принесешь из того колодца.

Кивок в сторону деревянного срубчика с «журавлем», стоявшего почти у ворот.

– Заходи в горницу, болезный, – пригласила Романа в дом, посчитав его увечность невозможностью для всякой работы.

«Пока твой попутчик порается со скотиной, пригощать тебя стану, потом очередь и до него дойдет», – услышал за спиной бабкины слова Андрей.

Дверь в избенку захлопнулась. Он потащил лошадей за узду, повел к указанной постройке. Животные, мотая головами, с неохотой подчинились хозяйской руке.

– Чего вы кобенитесь? Я и сам устал. Понимаю, под крышу не хотите, так ведь в чужой монастырь... Пока я тут с вами управлюсь, Рома у старухи все и выспросит. Может, переночуем, а утром ноги сделаем.

Между тем на низком южном небосводе, конца последней декады августа месяца, посыпали россыпи звезд. Полная луна огромным золотым шаром висела над самой головой. В ее свете, неся от колодца в хозблок деревянное ведро с водой, заметил проشمыгнувшего за угол постройки черного кота, лишнего каким-то средневековым живодером такого достоинства, как хвост. Интересно, кто постарался, поиздевался над животинкой?

Уже привычно расседлал обеих лошадей. Налив воду в деревянную поилку, сам пучком соломы прошелся по крупу сначала своей лошади, а после и Романового конька, сгоняя пот со шкур. Снизу вверх протер соломой конечности животных, усиливая кровообращение и предотвращая отеки. Лошади, фыркая, оглядывались на человека, ожидали еды. Сунув нос в неаккуратно сложенные мешки из холстины, при свете глиняного светильника наткнулся на овес. Во что насыпать, так и не нашел. Подтащив ополовиненный мешок к конским мордам, сыпанул добрую порцию злаков прямо на утоптаный пол.

– Жрите! Пора и о себе побеспокоиться, Роман, небось, уже налопался.

Только успел закрыть дверь, как различил едва заметный вздох совсем рядом. Не раздумывая ни секунды, влепил с разворота стопой в предполагаемое место грудной клетки незванного гостя.

– Ой-й-я!

Услышал в потемках вырвавшийся вместе с выбитым воздухом стон и звук кубарем откатившегося тела. Подошел к незнакомому мужику, распластавшемуся на траве.

– Ой-й-я! – снова услышал всхлип со стоном. – Чем это ты меня приласкал? Копытом, что ль?

– Зачем копытом? Просто ногой приложился. А зачем ты так тихо со спины подходишь, и вообще, ты кто такой?

– Дворовой я здешний. Местные мы! А вот ты каким боком на наше подворье вперся? Кто разрешал?

Внешне перед Ищенко сидел на травке, не придя еще в себя, бородатый мужик, правда заросший больше положенного по современной моде, но так себе, ничего необычного.

– Бабка, говоришь? Хм! Это не бабка. Это ведьма черниговская, с Мизгирем шашни крутит. Появилась тут два дни тому. Вчерась хозяев подворья вместях со скотиной всей извела. Домовик разговор слушал, ждут они каких-то двух смертных, незнамо чем насаливших хозяину дорожных татей.

– Та-ак! Ну, значит дождались.

– Так что, вы те самые и есть? Ну, которых ждут?

– Выходит что так.

– Ага!

Мужик пристально уставился на кривича. Что он там хотел разглядеть при бледном свете луны, было непонятно, нервно проглотил подступивший к горлу комок, потряс за штанину находившегося в раздумьях пришлого.

– Ты это, ноги уноси отсель, пока не началось. Время у тебя, наверное, еще есть. Я тут кота со своего подворья шуганул, думал, соседский дворовой балует, оказался нечистый. Мизгири побратим, в кота обернулся. Ну, я его...

– Бесхвостый?

– Черт-то? Угу.

– Тогда времени точно уже нет. Напарник мой, Рома, он сейчас в избе у ведьмы. Не бросать же мне его?

– Не знаю, ведьма страсть какая вредная. Мово хозяина, словно коня, взнузда, да в усмерть заездила за ночь. Хозяйку и деток Мизгирь сам, своей рукой зарезал, а его таги скотинку с подворья свели куда-то.

– Что же делать? – скорее сам себе задал вопрос Андрей.

– Бечь, пока не поздно.

– Это не наш метод, Федя! – возразил словами Шурика из комедии Гайдая. – Как говорится, «Бог не выдаст, свинья не съест». Будем делать свою игру.

– Чаво-о?

– Чаво-чаво? Живу я здесь! Так, а ты вообще, кто такой будешь, что-то я не понял?

– Ну, ты тугодум. Люди меня рисуют в своем уме так: «Немного кошки побольше. Да и тулово похоже на кошкино, а хвоста нет. Голова как у человека, нос горбатый-прегорбатый, глаза большущие, красные, как огонь, а над ними брови черные, большие, рот широкоущий, а в нем два ряда черных зубов, руки как у человека, только когти загнутые. Весь оброс шерстью, вроде как серая кошка, а ноги человеческие». Ну, понял теперича? Не-ет? Нежить я домашняя.

– Тьфу ты черт! А я смотрю и никак не пойму, кого ногой приложил!

– Не поминай нечистого, бо не ко времени явится!

– И то верно.

Дверь в избе открылась, и на низком крыльце проявился силуэт старухи. Старческий голос прокаркал:

– Уж не заснул ли ты там часом? Снедать иди! Твой товарищ заждался, да и заснул.

– Уже иду, бабушка! – как можно ласковей откликнулся Ищенко и уже тише, дворовому: – Что присоветуешь, дружище?

– Гм! Ты по-первых постарайся ничего ведьминого не есть, а уж потом не спать.

– Понял!

– Увидишь черного кота с хвостом, не спутай с нечистым. Не ровен час опять приложишь! Я то буду. Если чё, мы с домовиком тебя поддержим как сможем.

– Значит, впишитесь? Добро.

– Ты на многое не рассчитывай. Если б могли чего, хозяева бы живы были. Но по мелочи подмогнем, не сумлевайся.

– Ви-и-тязь, ты где-е?

– Иду-у, хозяйюшка-а!

Еще не зная, что будет делать, Андрюха твердой походкой направился к стоявшей на крыльце со светильником в руках ведьме.

– Ну, бабушка, вот он и я. Справился! – веселым голосом проговорил он.

– Заходи, полуношник. Твой каличный, видать, здорово устал. Поел и сразу уснул. Я ему на лавке постелила. Осторожней! На, возьми светильник. Неровен час в узкой влазне за какой скарб зацепишься.

Пройдя через действительно узкие сени, Андрей оказался в большой и широкой, но единственной во всей избе комнате. Икон в красном углу не было, значит, здесь жили родноверы. Еще один масляный светильник, сделанный из керамики, горел на столешнице, добре освещая стол и небольшой участок светелки. На столе в тарелке был уже нарезан хлеб, стоял кувшин, горловина которого по-хозяйски накрыта куском полотна. У дальних окон на лавке развалился Роман, лежал, не раздевшись, даже не сняв брони. Его богатырский храп заставил притихнуть даже мышей под полом лачуги. Большая печь на треть помещения выдвинулась от стены своей беленой известковой массой, выделялась из тени.

– Проходи, чего истуканом застыл? – подтолкнула в спину к столу. – Поснедай и тоже лягай.

– Ага.

Преодолев усилие над собой, шагнул к столу, уселся на табурет. Рука непроизвольно потянулась к еде. Боковым зрением увидел, что женщина наблюдает за каждым его движением.

Ищенко не был в своей конторе оперативником, не был штабистом, не имел отношение к нелегалам, он был обычным бойцом, если придется, пушечным мясом, но уже накопил кое-какой стаж и опыт. Мысль нагрянула в голову лучиком света в темном царстве. Ведьма, говоришь? Чем она отличается от обычного человека? По анатомии практически ничем, а хоть бы и хвост есть. Бабка, как бабка.

Поднося ко рту ломоть хлеба, внезапно остановил движение руки. Елейным голосом спросил, глядя не в лицо, а за спину старухе:

– Ой! Бабушка, кто-то в окне мелькнул!

Реакция у старухи была на удивление отменной, еле поспел за ней. Крутнулась на табурете, любо-дорого посмотреть. Не всякий солдат-первогодок проделает такой финт, а тут старая женщина! Но внутренне Андрюха и сам был как взведенная пружина. Как только бабка оборотила лицо к окну, пальцы левой руки с силой вошли под черепную коробку бедной женщине. Тело старухи сломанной куклой, обмякнув, свалилось под стол. Свалилось тихо, практически без всхлипа.

Ищенко вскочил на ноги. Ведьма, говоришь? Хм! Ну-ну. По мне так самый обычный человек из мяса и костей. Сейчас спеленаю, поглядим, какая такая ведьма.

Сноровисто, профессионально связал хозяйке ноги. Руки, заведя за спину, стянул ремешками не только у запястий, но и у локтей. Береженого бог бережет! Прошел к храпящему на всю Ивановскую напарнику, не сильно попинал в бок. Роман не просыпался, спал как сурок, пушками не разбудить. Ясно! Опоила, старая карга. Та-ак! Что дальше?

Со двора раздался кошачий ор, потом громкая возня и вой. Подхватился, пробежался по светелке. Как на грех, ничего существенного на глаза не попадалось.

– Мешалку бери, ею, коли чего, удобно по хлябальнику трахнуть, – слышалось из-за печи.

Пригляделся. Во прикол! Мелкий, заросший по самые гланды мужик, величиной с шариковую ручку, одетый как обычный смерд, стоял у печной топки. Своими круглыми, словно у совы, глазищами подмигнул в сторону стоявшего в углу деревянного весла.

– Ты домовик?

– Домовой. Хозяева звали Бородачом. Так ты это, мешалку-то бери.

– Ага.

Схватив за удобную ручку хозяйское весло для размешивания съестного скотине, подбежал к двери в прихожую, где происходила чья-то схватка. Резко дернув дверь на себя, отстранился за стену, готовый ко всему. В ту же секунду в комнату влетел хвостатый черный котяра, весь поцарапанный, роняющий на пол кровь и клоки шерсти. Даже замахнуться не успел. Но уже второго не пропустил. Не раздумывая, со всей дури хрястнул с размаху по морде второго кота, чуть замешкавшегося в темной влазне.

– М-мяв! – прозвучало напоследок.

Весло смело в сторону бесхвостого кота, приложив о бревенчатую стену. Не слишком ли сильно? А мелкий домовый уже подсвечивает свечкой пространство влазни. Оп-па! На полу лежал кот величиной с подростка ягненка. Надо ж, так закармлили! Дышал тяжело, прерывисто, но дышал. Вся морда расквасилась до состояния фейса породистого персидского кошака.

Отбросив весло, Андрей, схватив кошачьего выродка за задние лапы, втащил в освещенную комнату. Из-за печи послышался уже знакомый голос дворового:

– Ну, чаво там? Где тот чертяка, который меня подрал?

– Выходи, Фаня. Боярич яго веслом окучил.

– Ага, а вдруг оживет? Добей его поскорей!

– Фаня, – возмутился домовый, – ты ж ведаешь, так нечистого не убить.

– Тогда и вовсе не выйду!

Не вдаваясь в перепалку домашней нежити, Ищенко пригляделся к поверженному коту. Хрен там, это был уже вовсе не кот. Существо быстро приходило в себя, быстро трансформировалось в знакомый уже чертячий облик, но еще не могло осознать происшедшего с ним.

– Веревки тащи, быстро! – велел домовому.

Сам, заведя верхние конечности черта за его спину, стянул их последним оставшимся у него кожаным ремешком.

– Вот! – домовый сунул веревку в руку кривичу.

Андрей перевел дух лишь тогда, когда чертяка был упакован по полной программе. Задние и передние конечности лукавого связал воедино, заведя их ему за спину. Набросив петли на рога, подтянул и голову поближе к жопе, вывернув козлиную бороденку вперед. В клыкастую пасть плотно затрамбовал скомканный пучок тряпок.

– Ф-фух! Упарился. – Вытерев вспотевший лоб, плюхнулся на табурет. – Слышь, Фаня, хорош прятаться, выходи. Теперь твой страх и ужас не страшен. Можешь его даже ногами попинать, если желание есть. Как ты, Бородач?

– Норма, – односложно откликнулся домовый.

– Му-му-му-му! – Ведьма с кляпом во рту издавала недовольное мычание. Ищенко наклонился над дергавшейся бабкой, елеинным голосом спросил:

– Оклемалась, бабушка? Сказать чего хочешь?

Расшатав кляп, вытащил из ведьминога рта.

– Кха-кха. – Прокашлялась. – Радуетесь? Недооценила я тебя, звереныш. Ну, ничего, Мизгирь с тебя, с живого ремней нарежет!

– А вот с этого места, пожалуйста, поподробней.

Перевернул старуху на бок, заглянул ей в лицо.

Знал бы он, что перед ним на полу лежала женщина, обладающая вредоносными демоническими свойствами, никогда бы не стал глядеть в старушечьи глаза. Не одного, не двух, многих, своим взглядом свела в могилу бабка Обрена, настав болезни, потом издали наблюдая, как сгорает человек от смертельного недуга. Считанные единицы ведуний в княжестве могли снять Обренову порчу. Ведьма набрала силу, могла околдовать человека, превратить его в коня и заездить до смерти, и все это проделывала всего лишь взглядом.

Их взгляды встретились, и сотник почувствовал, как что-то липкое, обволакивающее, сначала даже приятное, вползает в его мозг, поглощает мысли и волю. Отвести глаза он уже

был не в состоянии. По спинному мозгу, словно ветерком, погнало его энергию вверх к голове, оттуда через взгляд наружу. В голове все замутилось, будто вдруг перещелкнул кто переключатель.

Знала бы Обрена, кто склонился над ней, никогда бы не подняла глаз, не посмотрела в глаза мужчине, находившемуся перед ней. Мозг Ищенко, как магнитофон, воспроизвел заложенную в него запись. Отчетливо послышался голос языческой ведуньи Властимиры: «Ой, ты, Свет, Белсвет, коего краше нет. Ты по небу Дажбогово коло красно солнышко прокати, от, онука Даждбожего Влесослава, напрасну гибель отведи: во доме, во поле, во стезе-дороге, во морской глубине, во речной быстроте, на горной высоте бысть ему здраву по твоей, Даждбоже, доброте. Завяжи, закажи Велесе, колдуну и колдунье, ведуну и ведунье, чернецу и чернице, упырю и упырице на Влесослава зла не мыслить! От красной девицы, от черной вдовицы, от русоволосого и черноволосого, от рыжего, от косоного, от одноглазого и разноглазого, и от всякой нежити! Гой!»

Вдох. Две практически ни кем не замеченные, короткие молнии, вместе с покидавшей тело энергией, выскочили из глаз парня, впелись в глаза колдуньи, все круша на своем пути. Выдох – мгновенный, шумный, всей грудью. Из рта непроизвольно вырывается звук «Хорсс!», тело броском с невероятной силой сгибается вперед, вытянутые руки почти достигают тела колдуньи. Взмах руками крест-накрест, и направленный поток энергии от копчика к голове начинает возврат в исходное положение, в свою очередь, вытягивая назад вместе со своей силой и энергию ведьмы. Старуха забилась в конвульсиях, в районе таза по полу растеклась лужа с характерным запахом. Бледные, как у мертвеца, губы, смогли выдавить лишь одно слово, прошептали:

– Пожалей...

Несмотря на эйфорию, захватившую всего его, Ищенко смог услышать просьбу. С большим трудом сморгнул веками, отвел взгляд от бабкиных глаз. Во всем теле ощущалась дикая, необузданная сила. Она бурлила, искала выход, давила. Андрей чувствовал, что способен сейчас оторвать от земли любой предмет весом под тонну, способен отбросить его от себя. В отличие от него, старуха сдулась, как латексный шарик, но была жива. Лежала с закрытыми глазами, отдыхала после всех потрясений. Местные аборигены – Бородач и Фаня – из-за угла печи наблюдали за происходившим действием. Обескураженные, они не могли въехать в ситуацию. Кого бояться? Что произошло? Не пора ли сбежать куда глаза глядят, только подальше от всего этого? Молодой, теперь непонятный им воин, походив, на раз-два-три, отнял силу у страшной черниговской колдуньи, которую боялись все, кто слышал о ней.

– Что скажешь о Мизгире? – дав старухе передохнуть, спросил Андрей.

– Уж где-то час, как здесь появиться должен, – с трудом ворочая языком, говорила Обрена. – Я здесь осела по его просьбе. Побоялся Мизгирь, что при печенежском князе шаман объявится. По слухам – колдун отменный. Вот и решил мною подстраховаться, пришлось из стольного града на время в сю лачугу перебраться. Они с князьком хоть и подельники, да друг дружку не жалуют. А как при таком раскладе добычу делить будут? Ты и твой товарищ в мои планы совсем не входили. До вчерашнего дня я и слыхом не слыхивала о вас. Атаман просьбишку кинул, пожелал, чтоб я ваш путь подвела к сему порогу, усыпила и сонными передала в его руки. Зол он на вас.

– Ну, это ясно. Только не ясно то, как он из закрытого на ночь городища сюда попадет?

Лежавший у двери в виде разделанного цыпленка-табака черт, судя по всему, тоже слушал весь разговор. Не в силах что-либо предпринять и даже слово молвить, заскреб когтями по доскам пола. Покряхтев, бабка, не глядя в глаза кривичу, ответила:

– У прикормленного человечка, состоящего на службе у наместника, с подворья подземный лаз за стены проложен. Через него он к утру и назад воротится.

– А печенеги когда напасть на погост должны?

– Отпустил бы ты меня, старуху неразумную. А? – плаксиво запричитала Обрена. – Чем хочешь, поклянусь, что не стану боле на твоей дороге. Сама десятой дорогой обмину. Отпусти?

– Я тебя спросил!

– Ну, да. Так этим утром и нападут. Они снаружи, Мизгирь изнутри.

– Твою ж ма-ать!

Времени у них с Романом совсем не было. К тому же какой сейчас из боярина боец? Бабка материал отработанный, черта тоже в минус нужно убирать. Где этот чертов Мизгирь? Пора бы ему появиться. Нардец у нас каким был, таким и остался. За тысячу лет, хоть в одну, хоть в другую сторону, так к пунктуальности и не приучился. Да и сама страна ничем по большому счету не отличается от той, в которой он рожден. Что эта, что та Русь становятся все больше и больше похожи на поле боя. Только там даже похлеще. Раздолбанные, словно после бомбежки дороги, одно славянское лицо на полсотни иноземцев, вывески на чужом языке, будто коренной народ в оккупированных городах проживает. Те же чиновники, депутаты – слуги народа, мать их так, ощущаются в роли старост и полицаяев в населенных пунктах при гитлеровцах. И это не иллюзия. Он, пожив среди всего этого беспредела, давно понял: Русь действительно является полем брани. Врагов у нее всегда было много, но они терпеливо ждали своего часа. И он настал – благодаря шайке общечеловеческих демократов, разоривших и без того полузадушенную застоём страну, Россия стала лакомым кусочком для любого пробегающего мимо шакала. Но купленное правительство еще не дает врагам полной власти над страной – для этого нужно поработить народ, сломить его, ассимилировать и превратить в стадо. Поэтому война против России еще только началась, а все корни этого идут, быть может, отсюда, вот от таких Мизгирей.

Без всякой жалости ударил больше похожим на бевут ножом старуху в сердце, прекратив тем самым ее земной путь. С нечистым было посложней. Как же его нейтрализовать? Горло перерезать? Не факт, что не проявится в другой ипостаси.

– А ты ему осиновым колом грудину развали, – посоветовал домовый.

– Да где ж его взять?

– Фаня, сбегай к бане, там осина растет. Хозяин все срубить хотел, да так руки и не дошли.

Черт замычал в тряпичный кляп, задергался. Пока дворовой мотался за осиновым поленом, Андрей попытался растолкать Романа. Безуспешно! Ответом на попытки был только шумный прерывистый храп.

Осиновый кол, пробив шерстистую кожу под соском, между ребрами вошел в сердце нечистого и при приложении некоторого усилия вышел со спины. Фаня в свою очередь притащил глиняную емкость с узким горлом, вылил из нее жидкость на извивающегося и никак не желавшего упокаиваться представителя пекла.

– Хозяйка воду из семи источников в нужное время собирала, поила родных, чтоб болячки стороной обходили, – пояснил Андрею.

Как ни странно, вода помогла больше, чем осина. Черт издох. Над его бездыханным телом закрутился парок, перешедший в клубы дурно пахнувшего пара. Черт растворился, будто и не было его в светелке вовсе. На дощатом полу осталось только темное влажное пятно.

– Вот и все, – произнес Ищенко.

От сердца отлегло. Вышел на порожек, вдохнул прохладу ночного воздуха. Золотой круг луны висит на низком темном небе. Вот ковш созвездия Медведицы, такой же, как в его прежнем мире, а там, за окоёмом, сияет, манит звездным серебром Путь Небесный – Земного Пути продолжение...

За подворьем, там, где забор закрывает уличный проход, услышал еле различимый говор и шаги людей по песчаной, поросшей спорышом тропинке. Правильно, чего им опасаться, посад пуст, а они с Романом давно должны спать, испив сонного зелья. Родненькие, как же

он им рад. Есть возможность слить распиравшую его энергию, ненароком вычерпанную из ведьмы. Пробежался к воротам, спрятался за кустарником, росшим под самым забором.

– Атаман, может, Чуса сперва пошлем?

– Кого ты опасешься, Чека-ан? У Обрены ошибок не бывает. Ха-ха!

Толчок в калитку, и четыре человека, подсвечивая путь факелом, спокойно вошли на подворье, двинулись к избе. Ищенко тенью метнулся к замыкавшему шествие, облапив его, закрыв рот рукой и слегонца приподняв, на противодействии свернул татю шею. На звук хруста шейных позвонков гости как по команде оглянулись. За секунды неведения Андрей успел проделать еще одно действие. Брошенный им нож вошел точно в область яремной вены очередного бандита. Из темноты слышались булькающие звуки и истошный вопль, словно кого-то кастрируют без наркоза.

– Чека-ан!

Факел, удерживаемый первым идущим, в долю секунды был отброшен в сторону, а силуэт разбойника по-рачьи попятился к углу избы. В отличие от первого, шедший в колонне вторым выхватил из ножен на поясе меч и кинулся на обидчика.

Ищенко ушел в передний перекат. Взмах мечом. Сталь, прогнав воздух, прошелестела у Андрея за спиной, а он на выходе из кувырка впечатал кулак в мужское хозяйство смельчака. Резаный поросенок наверняка кричит тише, и визгливые звуки у него совсем не той тональности. Был четвертый, поэтому разбираться сейчас, кто есть кто, не имело никакого смысла. Кривич подобрал выпавший из руки бандита клинок и с оттягом рубанул скулившего, свернувшегося эмбрионом человека, бросился догонять скрывшегося за углом последнего гостя.

Гость оказался шустрым малым, но испорченным чревоугодием. Толстого бандюгана сотник за ноги отодрал от высокого забора. Перелезть забор мужик никак не мог, повис на нем как сосиска, суча ногами по плохо обработанным доскам. Уже лежа в траве и прикрыв голову ладонями, только поскуливал.

«Н-да! На Мизгиря явно не тянет, но как язык сойдет со свистом», – отдыхая, сбрасывая боевой задор, подумал Андрей.

Оставив лошадей и остальной скарб на представителей славянской нежити и, направив их в лес, Ищенко взгромоздил спящего Романа Чусу на спину и, подгоняя жирдяя пинками, заставил того вести к лазу.

* * *

– Боярин! – снизу слышался знакомый голос Потворы.

– Чего тебе? – подойдя к пелерине помоста, спросил огольца, исполнявшего сейчас при наместнике обязанности посыльного по погосту.

– Воевода велит тебе до него прибыть! – прокричал малец. – Кажет, печенег с той стороны накапливаются, не ровен час на приступ пойдут.

– Добро! Скажи, сейчас буду.

Прошло всего полседмицы с тех пор, как они попали за стены погоста, а кажется, целая вечность минула. Нет больше киевлянина, погиб Роман. И то понятно. Степняки обрушились на городище, словно стая голодных волков, и было их не тысяча, как планировалось изначально встретить, а гораздо больше. Степные добровольцы упали на хвост кошевому князьку целыми бандами, можно сказать, образовали нехилый отряд наемников. В первый же день сначала пограбили посад, после сожгли его дотла. Безуспешно прошерстив округу, на второй день полезли штурмовать забрало. Первый приступ был самым неукротимым, нахальным и кровавым. Из двух десятков бойцов, сопровождавших Андрея, именно в первый день погибли четырнадцать. Всех жалко, но таких, как Судислав, особенно. Тьма стрел выпущенных по защитникам крепости собрала богатый урожай погибших славян. Сотни арканов взметнулись

на частокол городища, по лестницам вверх полезли самые сильные и ловкие смельчаки, пытались проделать коридоры в людском муравейнике. В дубовые ворота забухали удары бревна. То в одном, то в другом месте за стенами возникали пожары. Шум сечи, криков, стонов, гортанного языка инородцев был слышен, казалось, по всей округе.

Нападавшие, добре получив по зубам, откатились на безопасное расстояние от стен. Печенежский князь решил перенацелить, перераспределить свои силы, а между делом дать воинам возможность передохнуть, зализать полученные в первой схватке раны. Когда от стен схлынула темная масса одетых в шкуры и кожу чужаков, защитники увидели кучи трупов врагов, оставшихся под стенами. В самом городище дела обстояли не намного лучше, чем у печенегов. Там, где напор был особенно силен, деревянные доски помостов пропитались кровью настолько, что по ним было скользко передвигаться. Стороннему наблюдателю, если бы он попал туда после боя, могло показаться, что там поработала гигантская мясорубка. Обрубки конечностей, отделенные от тела головы, просто трупы, с ног до головы испачканные кровью, заполнили все пространство на помостах и под ними. Стонавших раненых сносили подальше от таких мест, стаскивали на подворья. Между делом бабы и детвора гасили пожары.

Потерявший в дикой суতোлке боя Романа, Андрей, лишь напившись воды, пошел на его розыски. В голове шумело после полученного по шлему удара, в плетении кольчуги, сразу в трех местах застряли наконечники стрел, а подклад пропитался его же кровью. Помятое тело ломило. Ищенко невесело порадовался за то, что в этом населенном пункте он не был никаким начальником и отвечал лишь за себя и своих кривичей, которых осталось совсем мало. Перебираясь через завалы тел и вглядываясь в бледные лица погибших и раненых, он после схлынувшей горячки боя бездумно искал друга. Задавать, кому-либо вопросы было бесполезно. Слышались распоряжения и команды людей начальствующих, где-то неподалеку голосили бабы, плакали дети. Вполне возможно, неподалеку находился Роман. Хоть криком зови! Может, откликнется? С досады плюнул.

– Рома-ан! Рома-ан, если жив, подай голос! – громко позвал киевлянина.

Со двора вышла женщина, понева которой была обильно испачкана кровью. Присмотрелась, кто мог кричать. Вперила взгляд в Андрея, видно определив, что звал именно он. Окликнула:

– Вой, ходь сюда! Тут он.

Своего напарника нашел во дворе, среди доброго десятка других раненых и увечных. Роман, почувствовав, что над ним кто-то склонился, открыл глаза. Мутным взглядом окинул Андрея, улыбка промелькнула на губах. Он знал, что скоро умрет, к главному поединку на смерть славянский воин готовился с детства, не испытывая страха перед смертью. Даже князь выходил иногда на поединок со знатным противником, чтоб чести своей не уронить, поэтому и Роман был спокоен, зная, что свой земной путь прошел и чести воина не уронил, и уходит он не калекой, а бойцом. Дышать ему было тяжело, грудь, перевязанная чистым куском полотна, обильно кровила, да и изо рта сочилась кровь.

– Пришел? Я уж думал не свидеться нам, – шептали губы. – Вот и все, Андрей, дальше сам. Не успел я.

– Выкарабкаешься.

– Молчи и слушай. Выберешься, добираться до земель Ростовско-Суздальского княжества. В сорока верстах от Ростова... – Роман закашлялся, продышался, передохнул. – Там, в сельце, Луканино прозываемом, усадьба мово брата двоюродного по матушке, Военег... К нему пойдешь. Скажешь от меня, мол, обскажешь все... ну, что погиб я, землю русскую защищая.

Дернулся, порываясь двинуть рукой, снова закашлявшись, вместе с воздухом изверг из себя сгусток темной крови, отдышался.

– ...сними с моей шеи родовый медальон... брату отдашь, кхе-рр-кхерр...

– Рома!

– ...Кх-хрр! Успел-л хрр-р.

Тело Романа вдруг выгнулось дугой. Киевлянин хрипло выдохнул и расслабился на веки вечные.

Ищенко ладонью прикрыл веки на невидящих глазах. Снял с шеи серебряный оберег на кожаном шнурке, спрятал за подклад. Со стороны стен послышались призывы:

– Всем воям на стены! Печенеги! Поганые на приступ пошли!

– Прощай, брат! Спасибо тебе за дружбу.

Уже через день Ищенко пришлось брать под свою руку оборону на восточной стене. Никто и слова не сказал, после того как он стал распоряжаться людьми после гибели старшего, ранее поставленного на ней боярином, а там и воевода принял как должное это самовыдвижение чужого боярина на должность.

Хотел пойти к воеводе, когда заметил подготовку степняков к возможному штурму стены.

Печенежский князек Бурчев привел под стены погоста несколько близкородственных семей, это была в какой-то мере даже орда. К тысяче конных степняков куреня, экипированных кольчугами, шеломами и щитами, вооруженных клинками, топориками, луками и сулицами, каждый воин имел при себе еще и волосяной аркан, присоединились на время похода полторы тысячи «бедных родичей», прозванных бродниками, полукочевое воинственное население Дикого поля, своего рода вольница, тоже решили вкусить халявы. Эти допекали сотника и его подчиненный контингент больше всех иных. Вот и получалось по подсчетам Андрюхи, что против населения погоста, которое вместе с жителями укрывшихся за стенами сел и весей, составляло не более тысячи двухсот – тысячи четырехсот человек, взрослых обоего пола, первоначально противостояли добрых три тысячи головорезов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.